

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1926
Nº:
19

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

СОВЕТЫ ВРАЧА

И. Скворцову (АТССР).
Слишкомщенко и обще.
Не пойдет.

Е. Ефремовой (Москва). Стихи ваших напечатать не сможем — написаны они очень слабо, но на насторожах в них следует поговорить. Зайдите в редакцию. О себе вам следует прочитать хотя бы статью в № 15 «Смены».

Н. Кулак (п. Орехово). Присланная заметка оставляет чрезвычайное впечатление. Причем тут отец и рабочий, когда вы занимаетесь описанием рек и старики? Описание плохо, хотя вы усиленно повторяете о «прелестях» окружающего.

Зачем писать: «за длинный промежуток времени», когда можно просто сказать: «задолго»; можно ли говорить: «солнце несет за собой целый ореол»? Старик — какое-то симптоматическое измышление. Напечатать их нельзя.

И. Егорину (художник «Комитета»). Для «Смены» всегда интересен материал о фольклорной жизни. Но слишком редко присыпаемым выдается удачным. Присланное вами очень слабо. Вам еще надо много учиться, чтобы начинать что-либо действительно интересное.

Ю. Жилюм (Казань). В стихотворении вспомнил китайских и греческих античных поэтов. Примеры: 1) В. Асадов — исторический — фигура докапиталистического, и, следовательно, могли ли рабочие (или класс фабричных рабочих) жить под гнетом вассала? 2) Удивлен ли образное представление Ленина с ласко в руках? (к тому же л. а. с. о. сформировано с массы?) 3) Бывают ли под баррикадами? — а у вас сказано: «и двинулся в поле под любийский покров баррикад?»

Все это — образец неумелого и неужного пользования в стихах поэтикой, плохо усвоенных.

Ваше письмо написано витебским, напоминающим уличную и пр. Учитесь писать просто.

П. Власову (Калуга). Много вы воспроизводите в своих стихах, для позора это так же не нужно, как размахивание руками при разговоре. По мысли интересно. Там где заводы, — по форме — все неудачны. Примечательны ли к пашущему парню подозрительные выкрики: «Страй!.. Страй!..» это все равно, что каменщику, возведенному стену, кричать: «Кости Кости!..» и т. д. Пока у вас не достает умения.

В. Гомону (без обозначения адреса). Длинно и скучно. Не пойдет.

М. Иванову (Ульяновск). Написанное вам слабо. У вас недостает умения. Недостатки заключаются в том, что вы слабо представляете себе художественные требования к стиhi и пишите как придется. Попробуйте юридика рифмовки, доступную поэзии каждому человеку, если он захочет бы писать стихи. Мало писать, — нужно постараться и уметь. Больше читайте и разбирайтесь в прочитанном! Следите за критическими статьями!

А. Сергиеву (без обозначения адреса). Рассказ великолепен на смакование парнографических деталей. Тематически совершенно мечтаем, написан неумело и бледно.

Б. Курскому (Владимир). Присланное нельзя назвать ни по-

всего, ни рассказом. Это — сухое, почти противное описание событий, без их отбора, без художественного и пешевского выражения их. Есть и неизвестные выражения: «продумывая ветер» (?), «выздоравливающий сон» (?) и др. Напечатать не сможем.

Г. Гиндину (Киев). Стихи слабы, по форме они напоминают легкие стихи старых хрестоматий.

А. Концову (Калуга). Ваш стихи очень слабы. Это скорее рифмованные фельзтоны для газеты. Темы вы развиваете из нового местного материала. Такие стихи есть еще интерес читать узкому кругу, но для широкой печати четырех метров нет интриги. Плохо, если оно дело и с техникой, видно, что вы слабо знакомы с литературой. Кружковое не существует.

С. Борзунину (Харьков). В стихотворении «Конунг», да и в других, ранее присыпаемых вами, у вас большое несоответствие между темами и усвоенной вами литературной манерой. За «сингариши» и «расцветающими вечерами»... «потоками кос», за такими глупыми рифмовками: «плыть» — присниться — любить» (все это у вас в виде шаблонов) ускользает конкретность темы.

А. Фокину (Ульяновск). Очень слабо, много рассуждений, сюжет избит. Нужно учиться.

Ш. (Ленинград). Описание скучно. Проходящими много, и их необходимо выудить и показать следуя обобщенным отдельным черты в социальной теме. У вас же простой пересказ предполагаемого случая.

В таком виде этот материал для расследования, но не художественный показ. Надо расширить свои наблюдения, систематизировать и заострить внимание.

«Нови и чук» (Демидовск). Письмо очень слабо. Допустим ли строить картину из одной реальности? В пьесе вы говорите об исторических личностях, но ознакомились ли вы хотя сколько-нибудь с их биографиями, с их письмами из тюрьмы (есть такая книга) и пр. Так писать, как вы, — нельзя.

В. Никитину (Москва). Ваш стихотворение составлено из громких и, в сущности, ничего не говорящих фраз. Вы, очевидно, полагаете, что чем паросней, тем лучше, и упускаете общую мысль стиха. Не пойдет.

ОТВЕЧЕНО ПИСЬМОМ

И. Трофимову (Мелитополь), Ровинскому (Гаджикент); И. Подзину (Нижнеудинск), А. Галахову (Еваторий), Н. Исламтеву (Москва), Я. К. Путину (Верхнеудинск). ПРИСЛАННОЕ СЛАБО, НАПЕЧАТАТЬ НЕ СМОЖЕМ:

В. Волину (К. Арват), В. Ковалеву (Верхнеудинск), С. Недумову (Смоленск), Егорину (без обозначения адреса), А. Кривошу (Арзамас), А. Кузьмину (Уртум), Е. Шишкину (Пенза), К. Хмелевскому (Челябинск), И. Логинову (Москва), А. Ровинскому (Гаджикент), Капалину (Москва), Г. Кагану (Одесса).

СОДЕРЖАНИЕ:

Б. Ярославский — Ленинский Комсомол. Н. Богданов — Медовый сад. А. Яковлев — Древенская честь. Н. Огнев — В пасти серого волка. Н. Бродский — Солдат (стихотв.). В. Г. (перев. с англ.) — Лилейная живность в Испании. М. Пасков — Тов. Дзержинский — председатель В. К. П. Полатин — Просека в завтрашний день. С. Цейтлин — Политбуд («Подъезды»). Прив.-дц. Н. Мелик-Пашаев — Советы врача. Почтовый ящик.

Иллюстрации: В. Ефанова, П. Староносова, М. Храпковского, ВАРТ.

Прив.-дц. Н. Мелик-Пашаев

4. Ко м с о м о л и шу Сергея С в у (Москва) — «Можно пойти от занятия и скажи мне, когда изверненное выражение занятия можно поднести к личине?»

5. К а р п е т (Киев) — «Можно ли сказать врачу-специалисту по заболеванию сердца и сосудов. Необходимо покой, правильный образ жизни, урегулирование питания, устранение всякой перегрузки, нормальной продолжительности сна. Катание на велосипеде временно

запрещено?»

6. Н. С. С - к о (г. Харьков) — «Что вреднее — половина воздержание или превышение половины?»

Без сомнения, превышение половины, если оно практикуется постоянно, является более вредным для здоровья юноши и девушек (половая и гинекологическая, чувство неудовлетворенности, чрезмерного утомления), чем половина воздержание. В настоящие времена мы располагаем целым рядом научных данных, дающих нам полное основание утверждать, что половина воздержание не только не вредно, но и в этом возрасте даже полезно. Избыток половины энергии может быть с успехом «переключен» и использован в другой области, чеба, общественная работа, спорт, физкультура и т. д.

7. З. в. в. (завод «Кр. Ракета») — «Можно ли увеличить рост человека?»

Карликовый рост, или ранняя остановка роста человека, обусловлены расстройством деятельности или недоразвитием особых желез внутренней секреции (зобная, щитовидная, мозговой придаток и т. д.).

Пересадкой недостающих или недостаточно функционирующих желез на животных можно было наблюдать рост и развитие организма. Возможно, этим же путем пересадок,

зародившаяся в организме, может быть излечена эта у遲енность. Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

Погибли все случаи занятия дающие хорошие результаты. Необходимо разобраться в съезде выдержке, удачности в победе и доказать также усиление воли и вики речи.

РАЗГАДКА РЕБУСА, ПОМЕЩЕННОГО В № 17 «СМЕНЫ»: «Готови приступ к полуночи б». Фамилии т. т., приславших верный ответ: М. Сахаров (Севастополь), В. Гоздев (Уф.), Н. Колокольцов (Южно-Дальский).

РЕДАКЦИЯ

Ласка: Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/8. Тел. 1-69-12

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ВСУХНEDЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОВЕДОВОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО «МОЛОДАЯ Гвардия»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год — 24 ном.	4 руб. 10 коп.
• 6 мес. — 12 •	20 •
• 3 мес. — 6 •	15 •
• 1 мес. — 2 •	40 •
Отдельный №	25 •

Подписку принимает Офис Петровских Изданий Из-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 6/8.

№ 19

ОКТЯБРЬ

1926 г.

ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ

ЕМ. ЯРОСЛАВСКИЙ

ЛЕНИНСКИЙ Комсомол с каждым днем становится все более значительной силой. Как политическая юношеская организация, ВЛКСМ стоит на первом месте по численности и по своему значению в деле социалистического переустройства общества, как КИМ стоит на первом месте среди юношеских организаций всего мира.

ВЛКСМ неудержимо растет численно, начиная с осени 1926 года более 2х миллионов членов и кандидатов. Уже большая половина рабочей молодежи фабрик и заводов комсомольского возраста входит в ряды ВЛКСМ; с каждым годом становится значительнее и крестьянский сектор комсомола.

ВЛКСМ становится все большей силой в деле восстановления нашей промышленности, в деле построения социалистического хозяйства, в деле подготовки кадра новых строителей, кадра квалифицированных рабочих в школах фабрично-заводского ученичества, в мастерских, на фабриках и заводах.

Комсомольцы являются зачастую пионерами новых форм землеустройства и сельскохозяйственного хозяйства, новых приемов работы.

Школы крестьянской молодежи пускают глубокие корни в деревне. Многочисленные сельскохозяйственные кружки, артели, сельскохозяйственные товарищества нередко своим возникновением обнаруживают и преданности делу комсомольцев.

ВЛКСМ принимает активное участие в избирательной кампании в СССР, и на последних перевыборах в 1926 г. в многих местах влияние комсомола усилилось, несмотря на недостаточную подготовку к этой кампании. ВЛКСМ играет исключительную роль в нашем красном флоте, который в значительной степени является комсомольским по своему составу, как все большую роль, с численным ростом комсомола в деревне и на фабрике, играет комсомол в Красной армии и в терцах. Комсомол руководит широким воспитанием «смены»—юных пионеров, представляющих

сейчас серьезнейшую и важнейшую организацию, от правильного воспитания которой зависит и будущее комсо-

мвола стал бытовым явлением и не может проникнуть всюду, он является живым воплощением растущей новой общественности, которая не мирится с затхлыми формами жизни прошлого. Комсомол имеет свою разветвленную печать: газеты и журналы, стенгазеты. Комсомольские клубы, несмотря на все свои недостатки, внедряются в жизнь все глубже и прочнее. Комсомол ведет борьбу с религией, с пьянством, с хулиганством, с беспризорностью.

Однако, быстрый рост ВЛКСМ тант в себе и определенные опасности. Изменяется все больше социальный состав комсомола: быстрее растет крестьянский сектор. Меняется актив. Прежний актив, прошедший школу капиталистической и помещичьей эксплуатации, Октябрьской революции и гражданской войны, сменяется все больше новым активом, который ничего этого не пережил активно, а знает об этом периоде либо по совсем еще детским воспоминаниям, либо по литературе, либо по рассказам других. Поэтому он легче подвержен всякого рода колебаниям, вызываемым особенно трудностями экономического порядка. Потребности и требования этой части молодежи растут быстree, чем возможности их удовлетворения.

Молодежь эта в общей массе враждебна мелкобуржуазному строю. Однако, она живет в переходный период, когда элементы социалистического хозяйства борются с элементами капиталистическими. Рушатся привычные, десятилетиями сложившиеся нормы морали и быта мелкобуржуазной среды, и мучительно, с величайшими трудностями строятся новые формы быта, иные нормы морали,—коммунистической морали.

Ряд вопросов, связанных с созданием нового быта, волнует лучшую часть нашей рабочей и крестьянской молодежи: она ищет и требует ответа на эти вопросы,—ответа, которыйшел бы по линии выработки цельного во всех его проявлениях облика ленинца.

На пути создания целостного коллектива коммунистической молодежи, на пути к выработке таких ленинцев, в которых гармонически сочетались бы черты поли-

Е. М. ЯРОСЛАВСКИЙ

тического деятеля, сознательного творца новых, коммунистических форм жизни с личной коммунистической закалкой, с физической и моральной тренировкой, направленной целиком на создание более здоровой во всех отношениях «смены», комсомол наталкивается на большие трудности.

Одна из величайших трудностей состоит в том, что комсомол, руководимый политически ВКП (б), испытывает на себе влияние не только нашей партии. Комсомол живет в мелкобуржуазном окружении, он в массе своей связан с этой средой семейными, кровными, хозяйственными, экономическими корнями. Мелкобуржуазные навыки, мелкобуржуазный быт составляют стихию, с которой надо еще долго и упорно бороться, чтобы их преодолеть, чтобы их перестроить. Индивидуализм (мещанский и крестьянский), иногда в самых отвратительных проявлениях, дает себя чувствовать, прорывается в комсомольскую среду.

Приходится вести и надо вести борьбу с болезненными, разлагающими комсомол, явлениями. Победа наша в этой борьбе несомненна.

МЕДОВЫЙ С'ЕЗД

Н. БОГДАНОВ. Рисунки М. ХРАПКОВСКОГО

... **О**ГРОМНЫЙ десантно-штурмовой пруд, чешуйчатый темно-зеленого цвета, перекрытый пополам, падая с двух саженей высоты его плотиной. Один только рукав его заставляет грохотовать и биться в постоянной судороге, массивную водяную мельницу. На высоком берегу стынут, отражаясь в глази пруда, трубы и корпуса чугунно-литейного завода. Право под ним—залежи руды.

На другом—раскинулась пышная усадьба с фонтанами, статуями, липовыми аллеями, на воротах княжеский герб.

А кругом леса, леса... Морда, чуль, черемисы.

И все это в шестидесяти ворстах от железнодорожной и в сорока от судоходной реки.

Самая большая слобода в селе, раскинутая вдоль реки, называлась Ломовой,—по имени ломовиков, державших в своих руках все пути дороги. Завидя расписные их дуги, за полверсты свертивали проезжие мужчины, давая путь монхонским широкогрудым коням-звеззам.

Другая слобода называлась Жукариной—по имени жукарей, заводских рабочих. Это были главные.

Они вели войны, заключали миры, то вместе пили и обнимались, то были друг друга смертным боем.

Ломовики славились силой, жукари—хитростью.

Остальные слободы—лишь призраки их: жили в них кустари, медники, веденики, самоварники, шорники, сапожники,—эти всегда, испокон веков, держали руку жукарей.

В других жили мучники, батраки, огородники, мясорубы, пильщики, плотники, маляры. Эти больше лынули к ломовикам.

Первые были крепкие и худы. Вторые—красноречивы, корявы, белотелы, сами природа их разделила между жукарями и ломовиками. Были люди без профессий; они почему-то назывались рыболовами и не имели никакого вида.

Бои-побоища происходили на пруду на мазепинце, и дрались всегда жукари с заводского берега; ломовики—на усадьбе.

Загнать в ворота—значило победить.

И это действие было самым основным и существенным моментом во всей жизни огромного села.

Все остальное поддавалось, запрещалось, вытряхивалось. А у этого действия были свои покровители у ломовиков—управляющей имением, у жукарей—управитель завода.

И каждую масленицу покровители выкашивали бочки, а интеллигентные круги держали пари, и побоище замыкался круг, начинался другой, третий, —без конца.

Вдруг война.

Оскдение. Раздалась...

Завод замер. Революция, "другая", где-то прошелась, прогремели грозы. Чего-то вдруг пошилось, и сворачивание скул друг другу как-то неожиданно потеряло свою прелест.

И представляются мне жукари и ломовик этого времени: широко расставившими ноги и неистово скребущими свои затылки в безмолвных поисками ответа.

А мы—зеленая молодежь—были первыми застrelыщиками во всех действиях, в недоумении ковырявшими в носу.

Я, маленький жукаренок, как сейчас помню, что за год до этого нас ломовики здорово побили, пользуясь нашим отоцением, и я прнес под глазом огромный фонарь,—произведение Огородникова Петухи, и весь год только мечтал о мести.

Я выдумал особый удар для глаза, который долгое время терпеливо практиковал на соседском теленке, хранил это изобретение, как талисман... И теперь вдруг почувствовал, встретив Огородникова Петуху, что для меня уж нет счастья залить ему в глаз. Это всякий дурак может. Хотелось еще чего-то, а чего—я и сам не знал.

Всё вокруг шли большие события. В село приходили солдаты, увещанные оружием, засыпали каких-то людей, много и горячо говорили.

Дважды удали и управитель завода и управляющий имением.

Постоянно кого-то, куда-то выбирали.

Постоянно что-то совершалось.

Раньше в драках мы были застrelыщиками, а теперь в этом новом ни белымесе не понимали и ни в чем не участвовали. И мы—зеленая молодежь—затосковали.

Уездный городничий отстоял от нас на 70 верст и никакого влияния на жизнь нашу не оказывал. Только году в 19-м, в конце, появилась какая-то куча ребят, занятых каким-то особенным делом.

Они, собираясь по вечерам в беседке усадьбы, долго и таинственно что-то там проделывали, потом спешно исчезали, также таинственно расходясь по домам.

Жукареши работали здлюю благодетельство—что это там в усадьбе придумали? Уж-то мы на заводе ничего не придумаем? Как бы не остаться в драках; брали нас ломовики силой, а хитростью ни разу.

И жукара Чирик пробралась к беседке и все уследила.

«...подумали мы...только и всего!»

В беседке заседали человек 10 «честников»—так презрительно называли мы детей местной интеллигентности, в роде сына фельдшера, сына лесничего, дьяковской дочери. Местный учитель был с ними и читал им прелестную книгу.

Потом они что-то представили: вышли человек 5 с листками в руках; в листке слово—три прочитает, руками помахает, другой тоже, а учитель указывает, сам возьмет прочитает, руками так и этак, ногой топнет. А в конце сказал: «Чу!..» Репетиция кончилась, споем!»

И пели, примерно, так:

Укажи мне такую обитель,—
Я такого угла не встречал,—
Где бы сеять твой и хранитель,
Где бы русский мужик не становил...

Пели зачумно, глаза в потолок, руки на животе.

Показалось нам, жукарятам, все это той же школьной Скукой...

Вспомнились мы и решительно объявили: хальмыра (на жукарском языке—ерупала)!

А еще успокоили, что ломовиков там и духу нет, один честник.

Через некоторое время на воротах завода появилась писанная краской расклейка:

Культурно—просветительный союз молодежи устраивает благотворительный вечер для юношества.
Будет спектакль, концерт, декламация. Явиться в усадьбу, во флигель, в субботу вечером.

Этакая штука нас, жукарей, возмутила...
— Чистяки нас хотят облагодетельствовать, а?

Кинулись мы к ломовикам.—Не пойдем братцы, ведь, да?

— Правильно.

В тот же вечер мы рядом с расклейкой повесили свою, писанную мальчиками склейкой на аршинном холсте. Она гласила:

Жукари и ломовики зовут всех ребят на митинг об нашей жизни. Сбор в пятницу котловине в субботу в обед.

При чем афиша наша показывала просветской замечательную фигу.

В субботу с утра, когда ягодная каша набилась не одной сотней ребят, мы, защищаясь на штуку перепугались.

— Избыток.

Спросите зачем собрали, а мы и сами не знаем. Тому нужно было показать чистякам.

— Говори ты,—толкал меня Чирик.

— Нет, ты.

Мы пятались, пятались и очутились в сессии. Кто-то из честников спросил: «Что бы, предизванивший оратором, окруживший толпой. Всюду киперспеции, обращаясь к зрителям.

Мне показалось, что у меня остановилось сердце, и не я сам, а кто-то ухватил меня из ворот и поднял» на чурбак держать оттуда всеми.

— Ребята, братва, мы, ведь, тоже, в беспомощно барабахались я...—Потому мы стильно... фиги им, чистяки!

— Правильно!—отвечали ребята-жукари, мувники, мучники и веденики без различия ободрили.

— Давайте мы, ребята, что-нибудь!

— Правильно!

— Так что думаете, слово кончено.

— Я спою про чурбака. От волнения даже пойду спрошусь.

Некоторое время был нестройный шум.

— Тоже в роде в сонозад!

— Ребяцких больших шайк надо!

— Да, нет, просто шайку. Сожжем, сожжем, чистяки!—раздавались возгласы, громче и горячее, новое, никому неизвестное рождалось в муках.

... «Укажи мне такую обитель... я такого угла не встречал...»

Вару» на чурбак залез Тимошка-ведерник. — Я, ребята, поедил с тележечкой по всему уезду... начальник он певучим голоском... Да идя Кузьма: «ведра, ведра отправляю...» Да.

Его смуглое лицо было спокойно, как будто он не перед сотенной толпой, а со мной или с Чирком говорит.

— Вот я ехал, ехал и веде ребята, даже кашинские музыканчики что-то микроят, а заехал до уезда, и все ведра, ведра отправляю, и еду в книку вывеску, и так прямо написано: «Сюз молодёжи».

Прочитал я, и сели мы тут же с дядей Кузьмой пивши соки! Тут дядя Кузьма лег спать. И вот, вскочил из-под пареня совсем обыкновенный гада, как, допустим, ты или я. Да...

Подходит этот ко мне.

— Возьмешь? — говорит.

— Воку... — отвечает.

— Своя? — говорит.

— Низялся отвечаю. Да...

— Тенер, говорит, пора угнетение бросать, пора об себе молодёжи задуматься! Вот уж, говорят, у нас союз для устройства настоящей жизни...

Я, конечно, всего и упомню, только еще из много говорили, вот как. Думайт...

Тимошка-ведерник уснул. И к вечеру стал у нас «союз рабочей молодёжи» количеством в 160 человек.

Но, умы, мы не знали, что нам делать! К взрослым мы почему-то не обращались. А на западе в то время была уже большевистская ячейка, но и у них самих было столько же, что они о нас, малокосах, не успели и думать.

Обратиться к «чистякам», к учительлю — мы тем более не могли. Так впопыхах блуждали мы до середин зимы. И что за это время проделали, так вооружились до зубов, ходили всегда парными и ругали «чистяков» буркими, срывая их веера и спектакли. Боялись они нас, как камня.

К правительству догадались мы, наконец, написать письмо в уезд, и радость — получили ответ!

Нас приглашали на съезд!

Энергии прихлынуло к нам, — во!

В тот же день выбрали мы делегатов 40 человек, а через два дня мохоногие кони ломовиков, вздывая снежную пыль, лихо вывезли нас на огромных, уцелевших от извоза, розызванных по необъезженней дороге.

Ведь как же, как же не дать было нам коней, где же тогда честь ломовой слободы, ведь, ихних ребят приглашают на съезд.

Набор лошадей прошел с подъёмом. Дути выбирались, носили, и, поборов сладкий и бубенчиковый, а также и бывалые матерые возки взодились нас вести. После этого со стороны казани глядело в лесах, на дороге к городку, застыла бандитская погоня.

Ломовики только сплюнули.

Садились мы на сани по четверо, чтобы ехать с шумом — далеко расплеснулся веселый обоз.

Всю дорогу на солнце, на месяц пели мы песни и никто не помянул давнишней вражды между жукарями и ломовиками.

Старые ломовники у нас запевали...

Уездный съезд готов был к открытию. Делегаты собирались почти отовсюду. Даже с самого северного угла приехали двое мордвы в красных дубленых полушубках, в сапожных рубахах и в расписных диковинном узоре валенках.

О жукарях и ломовиках никто и не думал, к тому же в селе «Лесные просеки» засел бандит «Медведь» и сторона их была совсем отрешена.

Вечером, когда за окнами скрипел забами коров и звезды вечериня взошли багровой, делегаты заневали чай с леденцами и ели спеченные для них крендели с маком. Этакое угощение глубоком готом целый год.

По уезду комсомольцы насчитывалось по тому времени густо, около 100 человек, а делегатов было целых 30.

Укомовики, сияя, как именинники, самолично упалили этих делегатов, и бедоводали предавательски о делах. Было тихо и хорошо. В комитатах барского особняка трещали каминчики спокойное настроение. Ждал секретаря, узма партии, чтобы открыть заседание. Вот он позвонил, что сейчас выходит.

Тут же зазвонили звонки, привывая делегатов в зал заседания, и они, гуттеря, повалили, весело толкаясь, разошлись, расселись под неумолимым звоном. Шум прекратился. Председатель опустил звонок и поднял руку. Но-ливо: звон не утих, а затяжелела сильней и громче, будто звонили сотни колокольчиков и бубенцов бешеным трезвоном.

Несколько секунд недоумения...

— Еще едуть! — вбежал кто-то с улицы.

Все бросились к окнам и при свете городских фонарей увидели расписные широкие дуги, мохоногих коней и размыщенные розыльни, вымазавшиеся в синеве эвакуирок из-под горы.

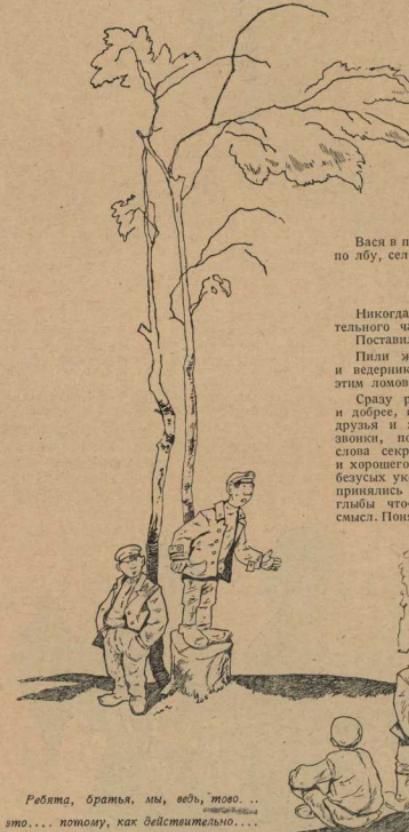
Перед остоявшимися укомовцами выросли из саней еще сорок делегатов.

Как же мы приехали, а бандит Медведь?

Ответ мы вынесли из саней нескольких раненых, — авторитет был завоеван.

Мы вошли в зал и затонули своей массой и укомовцев и делегатов.

Открытие съезда отложили — мы устали с дороги.

Ребята, братя, мы, ведь, тоже...
это... потому, как действительно...

Как варвары-победители рассказывали мы по лабиринтам барского особняка, расположившись на почеву у каминов, расселившись по кисицам полушубков и местах: так, Венера Милосская за ее время нашего пребывания каждый вечериня нам очути, нагнувшись к камину.

Узнав, что съезд чуть-чуть не открыли, мы обиделись, что было все, и даже угощение, мы обиделись.

Ведь как же! Сколько матрасы, как стремились, а нас здесь не очень-то ждали...

Проехал бы кто, кроме нас, «Лесные просеки»? Проклятое село в яме, в середине леса, и все силоша бандиты. Позабыли памятные ломовицкие погибы, вздумали ломовиков задержать. Мы и не дрались, дрались старики — матерые ворищи. Обидно очень показалось, как скоро позабыли, кто хозяин дорог. Ну, и разнесли эти просеки, — все окна повхлестали, все трубы на выворот.

Мы, конечно, помогали.

Только вот троим попало по уши. Обратно возвращали другую дорогу, а уважения к расписанной дуге не поклоняли. И на съезд приехали!

А наше тут будто и не очень-то нуждались. Мы насторожились. Не пахнет ли здесь «чинским»?

Секретарь укома Васька Кондратов метался, ухватив себя за правое ухо и стонал:

— Что мне делать? Что мне делать? — Обиделся ребята! Сорок человек! Угостить, встретить нечем.

А в кухне для видимости поставлена самовары. В отчаянии метнулся Вася Кондратов к секретарю упакторки на-дом.

— Нет ли чего?

— Ни-ни-ни.
— Даже лично?
— Кадушица грибов есть у жены.

— Разве к чаю соленых грибов? Нет!

Есть кадушица меду... стою в узкоплечом в моей комнате, завтра ее отвертываютников разделывают.

— Одолжи.

— Нет, не могу. Уж все фуфты высчитали, кому сколько. Взяют, загрызут. Смерть бояться, как бы не сперли, окно у меня там ненадежное.

— Ну, чорт с ним, одолжи.

— Заржак, не могу.

Вася в панике убежал. Дорогой стукнул себя по лбу, сел прямо на сундук и захочтал...

Никогда в жизни не пил я такого замечательного чая.

Поставил нам уком целую долблёнку.

Пили жукари, пили мучники, железники и веденики, а больше всего пропотели над этим ломовиками.

Сразу распоясились мы, стали доверчивей и добрее, и к открытию съезда были нам все друзья и знакомые. Когда прозвенели опять звонки, полились к нам понятные простые слова секретаря партии — дяди Миши, седого и хорошего, а потом горчи и выющиеся слова безусых укомовцев. И вот тогда все вместе мы присянули с трудом высекать из хаотичной глыбы что-то новое,принимающее формы и смыслы. Поняли мы, что попали в настоящее русло.

Уехали мы не жукарями, ломовиками и же-лезиниками.

Мы уехали со съезда — хомсомольцами.

А дядя Миша, зайда после в свой кабинет, нарядив выставленную раму и не найдя кадочки меда, вздохнул, погрозил Ваське пальцем и прозвал этот памятный съезд — медовым.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЧЕСТЬ

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ. Рисунки В. ЕФАНОВА

1

Вся деревня Бережки ждала Мишку Портнова, как избавителя: вот придет и тогда сразу бережковцы будут с козырем. Праздник на носу, а кто деревенскую честь поддержит, если не будет Мишки? Вечерами—каждый вечер—девки ходили табунами—готовились к празднику. Говорили о нарядах—кто что оденет. Говорили о песнях,—какие песни будут петь. Иной раз спорили, но мирно спорили, не так, как вот недавно: послопрят—и будто недруги до гробовой доски. Нет, теперь бы и поспорили, да нельзя: надо вместе стоять за всю деревню.

Как-то вечером остановились девки турьбой у двора бабушки Устиньи. Устинья подошла к ним, послушала о чем говорят, завздыхала. Девки насторожились. О чем это она старая? Устинья стояла перед ними вся сощасьшая, сморщенная, опустила к земле голову, молчала. Дашка Концепция крикнула:

— О чьмбы, бабушка? Аль женихов вспомнила?

Бабушка еще помолчала и потом заговорила, ни на кого не глядя, будто сама с собой:

— Парни-то какие были,—дубы! Идет иной, аж дивно, что земля под ним не гнется. Кулаки по целому арбузу. На работе ли, в драке ли—кипят кипят. И девки им подстать были. Такие е тушиные, такие здоровушки, что сарафаны на них бывало трещат. А пойдут в Ровное на Троицын день,—гуляльщикам лучше не было, как из нашей деревни. Грязнут песни,—гуд пойдет. «Кто запел?»—«Бережковцы». А ионе народ пошел вроде Ваньки-червяка.

Она махнула рукой. Девки завздыхали. Грустастая здоровенная Аленка Беспалова сказала смеясь:

— Аль мы уж так плохи, бабушка Устя, что ты нас ни в грех не ставишь?

Устинья искося глянула на Аленку, и губы у нея покривились улыбкой.

— Ты ничего девка, это дай бог в час молвить, подстать прежним. Да вот парни-то у нас... хоща бы одного паренька, как нужно. Илья Ножев хороши, да ушила лошадь его, прихрамывает. Селька Воронин хлещет водку почем зря, уж заранее видать, какой пьяница из него выйдет. Пытъ да курят, а что за мир постоять, силу показать, так нет их, не годны. Парни! Ванька-червяк тоже парень.

Девки засмеялись, да так засмеялись, хотъ плачь сейчас. Аленка заутромела.

— Глазыны бы не глядели!—сказала она с ожесточением,—и погулять то не с кем. Скоро замуж, девки годам конец, а чм помянуть их?

— Ну, будет вам панихиды петь. Вот Мишка Портнов приедет. Вчера говорила с матерью его. Ждет.

— Ну что ж, он один-то?

— Один да хорошо. И певун, и веселый, и ростом такой, аж небо подпирает.

— Устинья пристально поглядела на Аленку, ей прямо в лицо и сказала:

— Вот бы тебе, Аленушка, такого муженка. Пара бы была. И детки у вас бы были здоровые. Опять може Бережки в славу бы пошли.

II

Толпой человек в двести пошли на праздник из Бережков к Ровному,—нерелипивые малычишки и девченки впереди, парни и девки стоян за ними. И в хвосте—мужики и бабы, и между ними Устинья—хотъ оно горло дратъ—беса штить, а шла дряхлота, чтоб вспомнить свое детство и молодость. И только за оконицу,—ахнули песни «Во поле калинушка стояла», аж дальний лес отклинулся эхом, и звонче запели жаворонки.

... Парни подошли веселые, с заблестевшими глазами

Весеннее солнышко высоко вздыбило поля улыбались колосящейся рожью, переливом жаворонка, и вся толпа—молодая, разгульная—по узкой полевой льре растянулась пестрой змеей.

Гармонист Колька Сизов понгнал са- всем немнога, только для задору, и перебросил гармонику на ремень за спину: голосисто запел, как другие парни. Только порой он подозрительно посмотривал на Аленку, возле которой дерзкая (ястреб) висела Мишка Портнов. Мальчишки, девченки и девки шли босиком,—башмаки несли в руках, чтобы зря не быть и. И это было лучше: привычные ноги любят эту мягкость пыли, эту ласкотвость зеленой травы на обочинах дороги. Только одна Аленка нудилась—шла в желтах туфлях. Она бы разудла (весомо верить), да вот Мишка-то рядом,—даже поет заливисто, глаза круглые, хищные, смотрят Мишка будто в达尔, а сам и локтем толнет, то рукою лапнет. Ален и млеет, и смеется настоящим бесовским смехом. «Возьми меня с собою! Возьми меня с собою!»

Все орут шало, Аленка, раслави глянула искося на Мишку в занеке прямо ему в лицо: «Возьми меня с собою! Мишка схватил ее за руку повыше лопти.

«Пойдем, девица, со мной!»

Парни и девки кругом засмеялись. никто не глядел на них прямо, но только слепой не заметил бы, что тут дело в дад литет. Не даром бабушка Устиня ворожила...

Один Сизов глядел злобно. Вышли на гору, к деревне Шишкове. Вдали Ока протянулась голубой дорой, а за ней, по горам, размахнулись синие леса, в лесах, здесь и там, белы церкви, маячили избы. Ого-го-го! ширякая! Вправо, по долине, виднело множество сел и деревень,—все они упали в садах, в зелени, и казались островами среди изумрудных ржаных морей.

По всем дорогам—вдали и вближалились пестрые толпы нарядного народа. Кое-где, перегонные толпы, скакали леги, запряженные парами, и на телегах полным—полнечицо было дье разраженного в пух и прах. Парни все были одеты по самой последней моде в черных пиджаках с цветными галстуками, все в брюках «флеш» такой ширинки, что при ходьбе они захлестывали нога на ногу.

Везде звенели песни, со всех дор и троп.

За Шишковым рукой подать и Ровное. Вот уже и лес завиднелся. Бережковцы промолкли, растянулись. Ребята убежали далеко вперед. Бабы ссыпали ся отсталы. Мишка все жался к Алене, погиравший глазами и бровями и раз три спросил о чм-то: «Ну?»—Аленка будто варом обдавал кто ее, так и пытал заревом.

Дорога с поля ушла в лес. Крайние липовые сосны и веселые липы встали стеной. Неясный гул несся из леса. Там пел кто-то тысячеголосый. Везде и дорогах запели задорнее, точно этот липовый гул вазбурожил всех.

Девки, как только вошли в лес, групами побежали в стороны, туда, где был погуще, и, прячась за деревья,

принялись наводить на себя красоту. Они поспешно обувались, разглаживали платья и косынки, расpusкали ленты и на дорогу возвращались при方方面面и. От них исцело плохонькими духами и пурдой. Парни встречали их веселым смехом, оглядывали жадно, будто принарядившиеся девки были их сладкой добычей.

Все вышли опять на дорогу. Опять струились. Колька Сизов пустил на гармони невозможную трель, бережковцы запели задорную частушку и с песней вышли на поляну.

III

Вся поляна, похожая на огромный круг, была полна разнажженного поющего народа. На праздник сходились тридцать пять сел и деревень округи. Ходили толпами — деревней, селом, курмашем, — лишь ребячишки и старички ходили в одиночку. Грызли семечки, орехи, ели признаки, крендели. Многостое возов с закусками, пивом и водами стояло на опушке леса. Возле них происходила давка.

Бережковцы остановились на опушке отдохнуть.

Бабушка Устинья была с ними. Она села на траву. Девки и парни пустились к вазам. Возвращаясь, девки таскали целые узлы семечек и орехов. Парни замешкались у вазов с пивом.

Бабушка Устинья забеспокоилась.

— Где парни-то? Не надрызгались бы пьяными. Сраму не оберешься. Какая слава про нас пойдет по округе тогда?

— Много-то не напьют, — сказала Алена, — гляди, денег-то у всех на бутылку не хватит. Мишка повел угощать.

— Чего-то он шиксиет больно?

— Вон идут уже.

Парни подошли веселые, возбужденные, с заблестевшими глазами. Мишка нес большой узел признаков. Он, лихо заломив картуз на затылок, с отменимым щиком подошел к Аленике и, подавая ей весь узел, сказал громко:

— Жертвуя на всех! На семь гривен приников!

Алена вся зарделась. Девки засмеялись. Мишка подошел к бабушке Устинье, подал ей горсть орехов и большой признак в виде коня.

— А тебе, бабушка Устя, особо. Как я питалась к тебе уважение, то вот...

Бабушка жаждо схватила признак и орехи и заговорила нараспев:

— Молодых бы угощал. Чего ста-
руху угощают? Было время, и меня угощали, а теперь толку мало. И зубов-то у меня нет твои орехи грызть. Ну, спаси христос. Вину че понесу. Дай бог тебе творожью да невесту красищу. Только зы не шикуй больно-то, Мишенка. Ниже деть-то какой? Все деревни да села во все глазаглядят. Гулять пойдешь, —
очесливый будь.

Мишка скривил лицо и махнул рукой.

— Ну, деревни. Черт ли в них толку? Мы и города не боимся.

— А ты не чертыхайся. Ниже весь мир невест да женихов выбирает.

— Я уж себе выбрал, — Мишка левым глазом подмигнул Аленике, — нам выбирать нечего.

— Ты выбрал, да гляди, тебя-то выбрали ли?

— А, да что там говорить. Пойдем, ребята, пройдемся.

Мишка широким поправил картуз, за-
курил папиросу и, ни на кого не глядя, двинулся к шумящей толпе. Парни пошли за ним. Колька Сизов перебрал лады гармоники и грязнул плясовую. Ванька-червяк ударил в бубен.

И заревел истошно: «Уйди! Убью».

Девки и девченки сели на траву. Сядись, они высоко поднимали верхние юбки, чтобы не измять их.

— Иши ты, какой щиковый, — сказала Матрена Козлова, — я, говорят, выбрал.

— Беда с этими городскими. Что хотят, то и делают.

— Да что он сделал-то? — сердито спросила Алена, — ничего плохого он не сделал. Чевой-то вы на него наели?

— Ну да, ты теперь будешь застутаться. Не слыхала, что про деревню-то сказал?

— Будет вам. На праздник пришли, а сами в горло друг другу вцепиться ради.

Девченки слушали с испуганными лицами, как перебранывались взрослые.

Мимо прошла орущая толпа чужих парней. Они заглядывали в лица девок. Один киркинул:

— Чего, красавицы, задумались? Али червяка раскусили?

Девки засмеялись. Парни шли толпой за толпой. Они иступленно орали песни.

Гармонисты и бубенщики играли на-
дрывно. Прошел гармонист Семка Плетнев, слава про которого катилась по всей округе. Наклонив левое ухо к гармонии, он весь ушел в игру, — лицо у него было бледное, — вот будто ему все равно: днем на гармонике играть, а ночью подкалывать ножем прохожих. За Семкой ходила огромная толпа парней. Так стече-
ния двигалась по поляне и громонесно

пела.

Прошли и бережковцы. Мишкино пиво, надо быть, их подбодрило. Орали все, что есть духу. Ванька-червяк кричал фисту-

лой и неутомимо колотил в бубен. Разва-
тия подбегали к девкам ребячишки, спра-
шивали: «Скори ли пойдем?» Они были захвачены общим водоворотом, горели от нетерпения: скорей бы пойти со взрос-
лыми.

Вся толпа пестрела и переливалась самыми диковинными красками и только парни в пиджаках и брюках «клеш» маячили черными столбами на ярком фоне. Ребячишки стайками сновали взад и вперед, свистали в свистульки, стреляли из деревянных пистолетов, раздували резиновые шары «уйди, уйди!»

Вдруг на дальнем конце поляны за-
громела дружная песня и сразу засту-
пила всех насторожится. Пело сразу множе-
ство голосов. Алена, услыхав песню, торопливо поднялась, стянула с себя скорлупу семечек и вытянулась на ци-
канцах через головы толпы, заглядывая туда, где поют.

— Никак ильинские пошли? Так и есть. Они. Глядите, глядите, сколько их. А-а-а!

Ильинские шли рядами. Парни и дев-
ки, взявшись под руки, плотной стоной сидели пачкой к плечу. Слева и справа гармонисты, четверо, и бубенчиков двое, — один в бубен большой деревянной ложкой, другой кулаком и ложтем, и оба вместе бубнами стукали себя по лбу по коленям, и каждый из всех сил старался быть удалее другого.

Прощущий беспшибашний силой проши-
ли ильинские по поляне из края в края.
За ними двинулись почевцы, — такой же
массой, потом усовские, знаменские, шиши-
кины.

Аленка заволновалась.

— Что-то мы отстаем? Позвать бы парней. Итти бы надо.

— Знаю, ити. Ганька, сбегай, скричи. Чего там прохлаждается?

Девкам уже было досадно, что вот одна перед другой деревни показывают свою силу, а бережковцы в стороне. Иль у них силы меньше?

А парни—вот они. Они шли поспешно к девкам. Шли растягиваясь, и сразу было видно, что они чем-то взволнованы. Они не пели. Колька Сизов нес гармонику на ремне за спиной. Мишки Портнова между ними не было.

— Чё-вой-то вы запропали?—закричала Аленка.

Лицо у Сизова вдруг исказилось.

— Мишка-то твой надрызгался и при-
стает ко всем.

Аленка нахмурилась.

— Какой же он мой?

Она злобно смотрела на Сизова.

— Ну, будет тебе, знаешь какой!

И между ними готова была вспыхнуть ссора. Но девки вмешались.

— Ну, идите, идите вы. Без Мишки обойдемся.

Сизов нехотя взял гармонику в руки. Он все смотрел на Мишку на Аленку.

— Эх, запом что ли!—вдруг крикнул он и крутнулся головой.

Вдруг подошел Мишка Портнов. Он в самом деле был пын. Голубой галстук у него сплюз к правому плечу, волосы были растрепаны, мутные глаза смотрели нагло.

— Верно, Сизов, запом!—крикнул он и, разевая рот, как западок, пропел похабную частушку. Девки шарахнулись от него. Все они, конечно, слыхали эту частушку раньше и не пугались. Но здесь, на празднике... Они заговорили возмущенно: «Что это такое, ба-
тюшки? Куда с таким ити? Да не пойдем

мы. Сраму не оберешься!» Парни переглядывались. Мишка пропел еще. Чужие мальчишки, чуя скандал, грудились около бережковцев. Подошли три мужика—полупьяные, с ухмыляющимися рожами:

— Верно! Вот это праздник! Вот это молодец!—орали они.

Мишка пел. Девки и парни пошли прочь от него. Мишка, распевая во все горло, пошел за ними. Им вслед зауплюсили.

Тогда Ванька-червяк повернулся к Мишке и, взял его за руку, заговорил:

— Ты бы, Михал Василич, поакураунее. А то срамота нам.

Мишка остановился, точно кто уда-
рил его по голове.

— Чего? Ты? Мне? Червяк?!

И заревел истощено:

— Уйди! Убью!

И взмахнул кулаками над Ваньки-
ной головой.

Ванька нырнул в толпу. Народ бежал сюда со всех сторон.

Сыпался шепот: «Чей такой? Береж-
ковский? Какой парнишка народ пошел. Глядите, со своими дрататься хотят. Пья-
ницы!»

А бережковцы поспешно уходили по поляне дальше от скандала. Опять они собирались вокруг Аленки. Сизов торжествовал:

— Вот тебе и женишек, Аленушка. Вчера-то глядеть ни на кого не хотела, ероде нет нас...

— Ну, ты молчи, помолчи!—рассерди-
лась Аленка.

Сизов торжествующе заиграл плясово-
ую. Откуда-то из толпы пришла бабушка Устинья. Лицо у нее было сердито-пе-
рекошено.

— Срам-то какой!—заговорила она, Срам! Тыфу, тыфу! Женихи, невесты! Куда вас таких девять? Под овраг бросать?
Пьяницы, срамники.

— Молчи, бабка,—задорно крикнул Сизов.—Гляди, как пройдет сейчас. Ни-
девки, айда. Чего, ведьмы, носы пог-
сли?

Он заиграл, Ванька-червяк свистнул.

— Ну, становись. Пошли. Гляди, как
другие-то ходят.

— Другие люди, как люди. А мы
чертые што.

Поспорили. Однако, встали, как нужно,
сгрудились. Запели. Но и ста шаги
не прошли,—навстречу Мишка. Его еще
больше развеселил. Он растопырил руки
и ринулся к бережковцам.

— Вот они, наши-то! А.. Вот они!

Он схватил Аленку за грудь. Тя-
нувшись и что было силы ударили
Мишку в плечо, Мишка упал, заругался
заорал...

Праздник был испорчен. Бережковцы
разбрелись в разные стороны по поляне.
Наступал самый торжественный час
праздника. Взявшись за руки, девки,
бабы, мужики, парни, ребятишки делали
огромный круг и под песню двигались
по солнечнику». И все знали: надо кри-
кнуть так, чтоб заглушить все дру-
гие хороводы.

А бережковцы, словно чужие, ходили
между хороводами, и у всех были опре-
дикнуты лица.

Вдруг возле одного хоровода заво-
нялся народ, и тотчас туда рванулась толпа. Близкие хороводы были смыты. Песни там смолкли. Аленка с подругами
побежала туда. В середине толпы кто-то
кричал. Вздигались кулаки.

— Ай, батюшки, дерутся. Хорошо!
Не у нас одних срам.

Поднимаясь на цыпочки, девки за-
глядывались через головы туда, в сре-
дину толпы. Кого-то повели. Толпа раз-
вернулась, давая дорогу. Аленка уви-
дели—незнакомые парни и мужики вели
Мишку Портнова совсем растрепанного,
без картузу. В толпе сердито говорили:

— Спички бросал в хоровод. Заж-
жет и бросит. Девке кофту прожжет. Чай
такой? Быть бы его, подлеца. Чай такой?

— Говорят, бережковский.

— Ну, бережковцы, известные пья-
ницы.

Тут Аленка не выдержала:

— С каких это пор бережковцы пья-
ницами стали?

— Да надо быть, всегда были. Иль,
в каком виде на гулыни приходят. Ви-
дела? Вон повели.

— Ежели один пьяница, так и все
пьяницы?

Она так рассердилась, что заспор-
ила с ней, она же пошла на кулаки.

...Мишку отвели в лес, бросили наземь.
Он хрюпло рухнулся. Парни пригрозили: если опять явится на поляну, ему поло-
мают ребра. И ушли. Возле Мишки оста-
лись только малые ребята. Они с жутким любопытством смотрели, как пынний па-
рень корячился на траве. Мимо прошла Аленка с двумя подругами. Они залади-
ли смотрели на Мишку.

— Ну, вон он где,—сказала Аленка,—
теперь идемте за нашими парнями.

Она забегала по поляне, будто забыла
о празднике. Она искала бережковских ребят. Поймав кого-нибудь, она сердито
говорила:

— Что это? Он нас осрамил, а мы ему
так и спусты? Ну, нет! Ему надо память
вложить. Чтоб помнил, как срамить де-
ревню.

... Ему надо память вложить

В ПАСТИ СЕРОГО ВОЛКА

АНГОРСКАЯ ПОВЕСТЬ—Н. ОГНЕВ. Рисунки П. СТАРОНОСОВА

(Продолжение¹)

6. Пророк Мурад—исцелитель проказы

КОГДА Орхан Горбонский проснулся от тяжелого, изнемождающего сна, он в ужасе вскочил и прижался к стене ямы: прямо перед ним, раскачиваясь и что-то бормоча себе под нос, сидел человек с лицом льва. Громадные вены бровей нависали над гноинами глазами; багровые щеки словно удлинились и, слившись с надгубием, обрамляли пасть; во лбу, «кровью расплюзываясь», сургучной печатью изображено было слово «типо». Грифа всклокоченные грязные волосы дополняли сходство.

— Кто ты? — закричал Орхан, не в силах оторваться от ужасного видения.

Да, вот — бормотал человек с львиным лицом, — «аллах», во имя аллаха, предводителя и милосердного, еще один пришел — насторо, тымы, не пугай моего облика, непосвященный! Достаточно мне прикоснуться к твоим глазам и рукам, как через неделю и у тебя зацветут такие же цветы по всему телу. Не бойся, не бойся меня, если ты попал в шары тымы! Теперь я твой брат, друг и повелитель. Болезнь сидит у тебя внутри, я же хочу помочь тебе вызвать ее наружу... Я, видишь ли, погиб в демонах всех новых пропащцев.

Человек с лицом льва протянул руки к Орхану.

— Не прикасайся, во имя аллаха! — закричал во все горло Орхан и, не разглядев, что руки, прогнанные к нему, были без пальцев: вместо пальцев были какие-то гноиные торчки, и из этих торчиков ссыпалась мутноватая сукровица. — На помощь, на помощь ко мне!

Где же Мурад?

Но вместо Мурада, Орхан увидел каких-то других, столь же ужасных людей, больших похожих на теми преисподней. Они, возникавшие словно из-под земли, выплазили, поднимались и тянули руки к Орхану. У одних вместо лиц были темные, безгласные маски, у других проваливались обнажки зубы, щеки, третья — нагие, бесстыдно вертели задами, показывая лишианную пятинистую, как у гиен, кожу.

— Нет, прикасайся, дабы посягнуть тебя, в подземные демоны, — писал продолжал человек с львиным лицом. — Чем скорее я опишу твоими руками, тем скорее ты будешь таким же демоном, как я.

Тогда, собравшись с духом, Орхан изо всех сил, как бы ученое существо ногой в живот; существо покачнулось, земля стояла и извивалась от боли; остальные, оступившись на мгновение, сейчас же бросились на Орхана. Боясь их прокровов, больше смерти, Орхан бросился вперед, чтобы от них спастись, и, спрыгнув за них, подняла стаю диких пустынщиков. Остальные были здоровы — те были больны. Орхан еще не потерял свободы движений — больные отыскали двигатель. Поэтому Орхан обогнал своих предшественников на тысячу шагов и, спотыкаясь в горячем песке, неизменно покатился в какую-то яму. В ужасе отглянулся Орхан назад, глянул по сторонам, иска спасения, и, заметив небольшую, темную дыру, похожую на нору, сунулся к ней. Но тотчас же был сброшен с ног каким-то юрким и подвижным человеком, выскочившим из дыры.

Стойте, проказники!! — поразительно знакомым голосом зардал человек, делая страшные гелодвижения. — Стойте, во имя эблоса и

дадите тыла остановиться! Орхан, лежа на земле, с удивлением таращил глаза на пророка. Да, это несомненно был Мурад, прозванный Художником, — друг, брат и покровитель Орхана, но в каком образе! Прежде всего, его лицо и руки были завязаны каким-то трилем, и только чудесные черные глаза Мурада так и сверкали сквозь это трилем. Затем, на макушке высился некое подобие зелено-черной чалмы, — зелено же чалму имеет право носить только тот, кто побывал в поклонении мусульманским святыням в Мекке и Медине. Грудь Мурада была обнажена, и на ней красной глиной были написаны странные знаки.

Так вот, знаете, о проказниках... — сказал между тем Мурад, здохнувшись звуками собственного голоса. — пророк Мурад, ниспослан им Аллахом, дабы спаси с час проклятия проказы. И в доказательство я произнесу сейчас соответствующие заклинания! Заклинание первое, сура (глава) корана двадцатая шестая: Я сотворил гениев и людей для того, чтобы они поклонились мне. Улалах! Внутренности двубородого вороваты! Всюду шестирогий козы! Бисмиллах! Но я же сотворил для гениев... не един-ли-ся, доб-лест-ый Орхан... У них сердца, а у нас — счастье... у них очи невидящие... они же хотели бежать из этой гнилой ямы... они-же скоты! И поэтому — да покинутся! Да покинутся...

Мурад выплюнул один слюнку за другим, чтобы не дать проказенным опомниться; выкрикивал то, что подвертывал на языке, Мурад вскакивал, руки кверху, приседал на землю, клал себя по животу и вообще вел себя, как

— Не прикасайся, во имя аллаха! — закричал во все горло Орхан

режь: я, пророк, повелеваю вам немедленно, не поднимая глаз, ползти в ту сторону ямы, в то место, где видят пищу, есть лицами к стене и сидеть вплоть до принятия пищи. Слушайте!?

Но не успел договорить Мурад, как проказники один за другим поползли в указанную сторону.

— Ух, — проговорил Мурад, садясь на землю рядом с Орханом. — Тяжело, однако, достается ремесло пророка. А ты уж и испугался, отец двадцати мышей. Вылези-ко брат! — продолжал Мурад в сторону ямы. — Тяжелъ и усмири вперед.

И, к еще пущему удивлению Орхана, из ямы один за другим вылезали запаханные в глине и песке пять випаров здоровых юродивых.

— Это все мои тела, — проворчалось в коробке, — проклятые Мурадом. — А ты, пресмыкающийся Орхан, не догадался принести нам из города поесть. Не смотри на меня так пронзительно, словно я и вправду пророк, — продолжал он под смех остальных. — Мы занимаемся тем, что раем общую ярую себе, чтобы не зарыться проказой и на способе обдумывать, как отсюда выбраться. Мы начали это дело той же ночью, как нас сюда сбросили. Поэтому мы успели укрыться от проказенных, которые страшно боятся чекалов и думают, что это челядь яма. Я бы и тебе привел сюда вчера вечером, но ты заснул, как только тебя спустили. Понял теперь, пресмыкающийся Орхан? Ты будешь настороже, чтобы кто-нибудь из проказенных не вздумал тебя сбрасывать в яму, — будешь заражен их болезнью. Впрочем, кажется, они не осмысливаются даже оглядываться сюда. За буту, товарищи, за работу: человек работает лучше всего тогда, когда строит себе жилище.

— А... откуда же ты узнал, что они рыбаки? — спросила Орхан.

Есть тысячи способов узнать, кто сидит с тобой в одной яме, эффици Орхан. Но самый простой! Подтверждение проказе больше всего те, кто работает у воды и постоянно мокр,

Офицер в английском френче и черкесской папахе сел за вынесенный на воздух стол и спросил:
— Кто из вас подготовлял забастовку грузин-
ков в этом порту?

как рыба. А кто же это, как не рыбаки? Тем более, что мы—недалеко от побережья! В доказательство—загляни на грунт.

Орхан взглянул на влажную глину и песок и убедился, что Мурад прав. Гранитные скалы, нависшие над краями, казались просто громадными камнями, вросшими кое-где в общий глинисто-песчанистый грунт. Через пять минут Орхан работал уже вместе с остальными, направляя все усилия, чтобы пальцами, вместо лопаты, выскристи и выбросить из пещеры мокрую глину и песок.

Работа была тяжела, неудобна и особенно плоха тем, что непривычна. Тем не менее, все смеялись, хорошо понимая, что от этой работы зависит их здоровье и свобода, а следовательно и самая жизнь, работали во-всю.

К ночи пещера была настолько обширна, что могли съездить разместиться все се-
меро.

7. Черный верблюд на службе у серого волка

МОРСКИЕ порты: Трапезунд, Смирна, еще Адана и еще много других—были, султанские времена, словно клещами, охватывали Анатолию и, питаясь ее соками, командовали невежественным крестьянством. В конце всемирной войны империалисты думали очень просто кончиком с малознатной Турцией, захватив порты. Кемаль доказал, что Турция еще живет и способна к сопротивлению; мало того, на новых победы он привнес весь миру, что положение вещей изменилось: теперь центр страны—Ангора—будет командовать над портами, над морем, над всеми торговлей. Это было тем легче осуществить, что со времени битвы при Дарданелла морских бойцов, кроме греков количеством и знание морских перевозок сильно упало. И только с того времени, когда Кемаль очистил все побережья от хищников, стали появляться паразохи, парусники и простые фелюги (лодки), чтобы нести мирную службу.

Мурад, Орхан и другие грузинцы прекрасно знали, что вдоль по побережью валился множество фелюг и лодок, брошенных хозяевами с начала войны. На этом и был построен план побега. Учитывая то обстоятельство, что кордонарные и каравуальные солдаты не верят в возможность побега прокаженных, а следовательно

не очень тщательно несут дозорную службу, заключенные решили в одну из ночей просто напрямую выбраться из ямы, прорваться сквозь искривленные, захватить на берегу фелюги или лодку парусную, и, спустив ее на воду, двинуться в море. Но для этого, к тому же, кому из каравуальных охота логаря сидеть в сего в ночное море, и зачем искать пару обесчестившихся, которых изловят и доставят обратно первый попавшийся катер. Предполагалось, что солдаты не знали о том, что в яме сидят здоровые люди, подозреваемые в сочувствии коммунистам.

В тщательном осмотре ямы и других приготовлений к побегу прошло двое суток. Следующим утром прокаженные подозрительно поглядывали на Мурада, видимо ожидая искалечения. Испеченные ^{жареные} прокаженные—кохлько!—заклинаниями и ног чирти на песье всевозможную сущность.

Сказки, Мурад, —спросил Орхан, сле-
дует ли обманывать этих несчастных людей, ^{забытых} им на спасение от болезни? Не возрастает ли их несчастье в сто раз больше, если они узнают, что ты их обманул?

— Несчастный потомок бабушки тарантуй!—яростно зашептал ему на ухо Мурад.
— Будь по-твоему, первий ученик аллаха и всех доброделей его! В каком мдрессе ты набрался такой премудрости, что забыл тебе в зад! До будыши я твой ученик, а ты забыл обо мне и обманул, и посмотря, что из этого выйдет. Я се-
ветую тебе лучше просто выплыть из ямы среди бела дня и пойти прогуляться к солдатам и предложить им отправиться за тобой и в кафен. У, блудливый коз! с ангорских крым! У блудливого козла ты занялся мозги! Правая штанина Махмадова! И этого человека я называ-
ю своим приятелем?

Но ругательства Мурада были византио-
прерваны. В яму на веревочных лестницах поспешно опустились люди, в мешках вместо платья, направились кимены к грузчикам, свя-
зали всем семерым руки и ноги и на канатах, словно груз, втащили наверх.

— Так ты—пророк?... —закричал человек с лысым лицом, когда Мурада тащили. — Если ты пророк, то докажи свое могущество! Где твои заклинания, прорицатель? Ты—гнусный обманщик, вот ты кто, во имя аллаха. Жаль, что я не могу наполнить владины твоих глаз гноем проказы...

Прокаженные подскутили к Мураду в, боя-
нуясь, ругаясь и подпрыгивая, плевали в след.

— Плохо дело,—сказал Мурад Орхану, когда развязали ноги и заставили им к кордону. Если нас опять швырнут сюда,—мы погибнем.

На кордон заключенных окружили солда-
ты с винтовками на-перевес. Офицер в английском френче и черкесской папахе сел за вынесено-

на воздух стол и спросил:

— Кто из вас подготовлял забастовку гру-
зиников в этом порту?

— Никто, или первий, все, почтенный шах,
ответил Мурад.—Дело, видишь ли, в том, счита-

ется, что у шахов есть шах...

— Здесь нет шахов,—утвердило сказал офи-
цер. Я здесь по поручению Истикляла — Мехкеме-
трибунала незадолжности. Итак — «одинаково

все»?

— Не в чем нам сознаваться,—горячо крикнул Мурад.—Мы, я и мой товарищи мы—сады-
арии великого Кемаля и простиут против закона

незаконного заключения в яме для прокажен-
ных!

— Ты обманщик, вот ты кто такой, —взразил офицер.—Не утверждаешь ли я, что и остальные, что вы принадлежите к партии коммунистов?

— Нам ничего терять, эфенди, как видите, я
насмешливо сказал Мурад.—Да, мы все проп-
легли к коммуне, и будь здесь двое или три
русских братишек...

— Вот, отсюда и видно, что ты обманщик.—
Позовите сюда свидетеля.

Из кордонального помещения вышел член с седой бородой, благообразной наружности, подошел к столу.

— Эти люди утверждают, что они привез-
ли к коммунистической партии, —сказал офицер.
Приступи, —ваш, как представитель партии «Зеленого Яблока», зарегистрированной в кон-
сарнате внутренних дел, удостоверьтесь, что

— Ложь,—уверенно сказал старик, даже не глядя на заключенных.—Член партии я зви-
наперечет, но таких среди наших нет.

— Старые штаны аллаха!—заповил Мурاد.
И ты, сын синской собаки, беришь на себя
утверждать это? Да я скажу тебе самое, что ты таковой! Ты мулла Рахид,—вот ты
как новое не зеленое или красное яблоко!!

— Конечно, он мулла Раухид,—закричал свою очередь Орхан.—Священный мулла, служитель аллаха. Неужели ты не видишь, что твой духовный сын томится в пленах? Это, ведь, я, Орхан, прозванный Горбонсом,—заглянул в меня.

— Мне дела нет, какой нос у обиваемого, почтенный представитель Истикляля,—враздигли спины.—Если моя задача окончена, позвольте мне уйти. Я намерен выслушивать оскорблений.

— Расшищите в правильности показания,—человек офицер, подавая старику перо.—А душегубов отведите обратно в тюрьму до конца Истикляля.

— В какую тюрьму?—гаркнул, вырываясь, Ямад.—В какую-такую тюрьму? И каких-таких душегубов? Сто лжиков вам в лготу, если не тюрьма! И пусть тарантусы сидят с вашими когтями вместо нас, если это не яма для прокалывания...

Но люди в мешках вместо одежды уже скатились с них, и все остальные и потаскали обратно к яме. Мурад утром совершил внезапно, и яма и не кричал никогда.

На обожженный солнцем песок быстро падала ночь. Ночь падала так быстро, что казалось, что спешла прикрыть своей синей чернотой торопившиеся безобразие.

И еще казалось, что из низнейшей ночной темноты, с востока, надвигается нечто исполненное в темное, без очертаний и форм.

— Черный первый,—сказал один из грузин, глядя на темноту.

— Сирокко,—сказал человек в мешке вместо ямы.

— Спешите,—ответил другой.

Черный первый,—в образах востока — опускается на колени около каждого неблагодушного дома, и тогда в дом входит ангел смерти. Черный первый ждет, пока из дома не вынесут покойника, и тогда он поднимается, и уходит кеторопийской походкой дальше.

Исполненный черным первым оттуда, сквозь утром вошло зловонное азиатское солнце и куда теплее упала низнейшая анатолийская яма.

Она разрасталась на ходу, занимая пол-ямы, покачиваясь так, как покачиваются первые; откуда-то пронесся ветер, неся с собой звуки метели, туши слепящего песку.

— Ахаха,—заявил звериным голосом Мурад,

и вождание освобожденными руками он вос-

звозился ослабевшей переноской—хватил сза-

ди за горло человека в мешке вместо платья. Другие служители бросились на Мурада. Дав одному ногой в живот и свалив другого кулаком, Мурад кинулся к Орхану и сдернув веревку с его руки, Орхан, не медля ни секунды, вскочил от вереницы соседа. Величайшее нервное напряжение удесстерило силы засыпанных. Служители, оглушенные ударами кулаков, бросились бежать к кордону.

— Здесь смерть — и там смерть, — крикнул Мурад, и в его голосе залед грозный сирокко.

— К морю, товарищи, к морю!!

Ослепленные песком, деркаясь друг за друга, спотыкаясь, двинулись они к морю. А сзади уже налетел, сшибая с ног, волна, взывая, мечась, стремительный ураган. Нечего было и думать о дороге или направлении,—в глазах крутилась бешеная тьма, черный первый раскидывался в плясе, разрывая зрене и слух на мельчайшие кусочки.

И вдруг все семеро полетели куда-то вниз, кувыркаясь через головы, нарашись о камни, обираясь кожу.

Орхан опустился то место, куда упал: ладони ушли во влажный песок. Орхан сказал:

— Мы сюда в яме.

— Так это еще лучше, тысяча лжиков!!—сказал вполголоса Мурад где-то по соседству.

— Лиши буя прокаженные нас не заметили. Все ли цели?

С разных сторон отозвались все. В яме, было гораздо спокойней, чем наверху. Сирокко замывал где-то далеко над головами, песок не засыпал глаза и можно было переговариваться шепотом. Грузинцы сплюслись вместе и решили: только стихия сирокко, осуществить намеченный раньше план побега.

Ждать пришлось недолго. Сирокко умолк, и тотчас же все семеро поползли по знакомым уступам к выходу из ямы. Мурад лежал последним.

Добрившись до края ямы, Орхан оглянулся кругом, заметил белую полоску на востоке.

— Рассвет,—крикнул он вниз.

— Беги к морю,—ответил откуда-то из глубины Мурад, и Орхан послушно бросился бежать.

Трах-такс, — защелкали выстрелы в томительном предупреждении мраке; то часовые заметили беглецов. Но беглецы были уже на перебежки,—далеко за проволокой.

— Все ли налицо?—тряхнуло дышла, спросил кто-то в темноте.—Вот, кажется, хорошая фелюга.

Было очень тяжело сдвигать отсыревшую и вросшую в песок фелюгу; но дружиной усилиями — беглецы добились своего: фелюга была сдвинута и покачивалась на волнах; беглецы поспешили натянуть на срывательную прочную лодку.

А вот и парус!—крикнул с торжеством Орхан, вытаскивая из-под кормового сидения склонг, покорченный парус; обстоятельства складывались исключительно благоприятно.

— А вот и я,—крикнул еще кто-то, пригнувшись в дюк с отмели и отталкивая в море; Орхану показалось—Мурад. Скорей двигайтесь, вся стра-дышла на ногах.

И верно, побережье то там, то здесь вспыхивало огнями высокстrelов. Было ясно, что смутная, еле видимая линия горизонта пологивает морю и играет в бояненыи забавную, хоть и новую игру. Фелюга раскачивало и уносило все дальше от берега по течению; парус удачно, наполовину пригнувшись, парус настялся, перестал трепетать, повел фелюгу по невидимым еще, смутным волнам.

А где же Мурад?—спросил один из бежавших.—Его, как будто, нет.

— Мурад?!—закричал Орхан, шупая руками лицо соседей.—Где ты, Мурад? Останови фелюгу, ради Аллаха! Сейчас же вернемся к берегу: среди нас нет Мурада!

— Его и верно нет, соседушка,—ответил добродушно один из беглецов.—Но остановить фелюгу я все-таки не дам. Мне видны ли, не очевидны ли, что мы болтаемся на этой штуке в качестве короля для птиц.

И грузин указал: парус стал под хороший ветер, фелюга чайкой уносилась все дальше и дальше от странной тюрьмы, прохождениями, волны, налетая, обдавали беглецов теплой пленой, а вдоль берега возникли одни за другим—горбатые си-луэты виселиц—корумпии черного перва. Летчики метки Истикляль-Мехкесем, трибуналы Ангорской республики.

(Продолжение следует)

С Т О Л Я Р

Не птичим посвистом поют
Мои стихи... Ты в них услышишь,
Как спорится и зреет труд,
Как мается и потом дышит!
От соловьиных ярких чар,
От пустозвонного наития
Меня седой сбрасывает столяр,
Мой первый в творчестве учитель.
Я принял краски и остро
Его заветы спозаранок.
И иначе, днем, держу перо,
Держу, как некогда фуганок.
Теперь, склоняясь над столом,
Я то почувствовал наследство,—
Которое за верстаком
Я приобрел в далеком детстве.
О, незабываемая пора!—
Когда, в верстак заправил доску,
Фуганок начал в первый раз
Я развеселую расческу.
Катились стружки кубарем,
Сворачивались, как пергмент;
Фуганок шаркал, и кругом
Взростали груды под ногами.
Пилу отставивши, не раз
С улыбкой доброй и простой,
Он, забывая про заказ,
Возился, как отец, со мною.
С тех пор пропеши—вских вер
В душе живут столярной звуки
И те, что дали глазомер,
Пропахнувшись kleem, руки.
Обычай сердач любви,
Фуганку некогда покорный,
С первом дружки, его пог
Свою влагой животворной.

Д. БРОДСКИЙ

Добрившись до края ямы, Орхан оглянулся кругом, заметил белую полоску на востоке

„В С П О М И Н А Й Т“

— «Мы в комсомолии живем,
Стране великого и богатой!»

ОТ ФИНСКИХ хладных скал до пла-
менной Колхиды раскинулась мно-
готысячная сеть комсомольских ячеек.
Мирной, спокойной работе по завоеванию
знания, по вовлечению молодежи в соци-
алистическое строительство предшествовали
годы гражданской войны, годы непосред-
ственной стройки союза... многое ...
«...сказали об этих временах. Такой «вे-
чер воспоминаний» напоминают отрывки,
которые мы ниже приводим. «Бои» вспоми-
нают минувшие дни и битвы, где вме-
сте рубились они...»

«Первый гром»

В МАРТЕ 1917 года была свернута цар-
ская власть.

Рабочая молодежь уже тогда боролась
в одних рядах со взрослыми рабочими.
Рабочий завода «Дукс» (в Москве) т. Ру-
сов в красочно описывает первые дни
этой революции:

«По заводским мастерским пронесся звонок, извещающий о перверсе. Все
вспомнили старое. Время было для звонка
неурочное.

Междуд тем, товарищ О. стал бегать по
мастерским, призывая окончить работу:

— Идите все на двор, — звал он.

Мы не заставили себя ждать. Скоро
все рабочие, еще недоверчивые, сползли
перед зданием старого корпуса № 1. На-
легу состряпали митинг. Кто-то выкрики-
вал:

— В полицию позови. Только по-
смейте!

Рабочие оказались не из храброго де-
сятка и за нами не пошли.

Но мы не унывали. Две группы моло-
дежи отправились снимать с работы ра-
бочих фабрики «Сиу» и «Габай».

Только что колонна двинулась вперед,
как на встречу ей из-за города — городские
главы «победили». Часть забора — «»,
часть села — «», — сняла стоящую
с камнями. С саблями наголо бросились
на них городовые. Одному из парней попа-
ло тупой саблей по спине. Подлома из «Габая» и «Сиу» не пришла, и первый
день для нас кончился неудачей.

После оказалось, что колонна хотела
прорваться к митингу на Скobelевской
площади. Что не удалось днем, то уда-
лось вечером. Отдельными группами ра-
бочая молодежь двинулась к площади, и
скоро вся она была наводнена народом.
Здесь раздавались призывы пойти осво-
бодить из тюрем политических заключен-
ных. Убеждая долго не нужно было.
Разделившись на несколько колонн, мы
двинулись в поход.

«Дуксовцы» пошли к Бутырской тюрь-
ме. Толпе перепуганные тюремщики отво-
рили ворота без всякого сопротивления.
Только часовые вздумали было не пускать
нас дальше ворот, но сразу оставили эту
мысль.

В тюрьму вошли 20 человек, которые
сразу стали выпускать политических зак-
люченных по списку. Толпа встречала их

криками «ура», освобожденных. Всю
тут же их одевали в новую одежду. Всю
божденные камеры были посажены
ремиции, а часовых заменили воору-
женные рабочие...

Октябрьские бои

ТОТ ЖЕ т. Русов передает ка-
зарменных дней Октября:

(Завод работал, но чувствовалась
какая-то вялость.

Вдруг слышим — орудийные выстрелы.

Все выскоцили из корпусов. За-
рили. Молодежь, веде первая, выскочила
даже не убрав инструменты.

Митинг. Горячие речи, призывающие
к борьбе. Быстро была избрана рево-
люционная пятерка. Криками «ура»
покрыто чтение воззвания районного
итета и райкома большевиков, приехав-
шего к оружию всех честных рабо-
щих в особенности молодежь.

В дружину записалась вся моло-
дежь, даже, разбросав оружие, она двину-
ла место боев...

Дальше мы знаем самоутвержен-
ную борьбу молодежи на октябрьских бо-
ках.

До последней капли края

ПОБЕДА Октябрьской революции и
кончила с борьбой. Долгое время
буржуазия пыталась возвратить
прежнюю власть. Еще в 1921 году на-
мили на окраинах советских республик
звуки боев за Советскую власть.

Осень 1921 года на Дальнем Восто-
ке

«В примеры влавствовали белогвар-
дейцы, — пишет тов. Н. Счастливцев, —
стороны их все время грозила опас-
ность. Дальневосточной Республике, краю
связанный с советскими республиками

Осенью 1921 года белогвардейцы
захватили на славы заставы широ-
ко-революционные армии. Частично па-
лась на Дальнем Востоке до совет-
ции и предоставления ее в Красную
Армию. Части народно-революционной
армии дрогнули и откатались. Город
городом, станцией за станцией заняли
белогвардейцы. К началу декабря
были уже на подступах к Хабаровс-
ку в входа в Амурскую область.

Поднялся Амур. Поднялись железнодорожные рабочие. Амурские партизаны
потянулись со своим винтовкам. А рано
всех и воодушевленных всех — ком-
мунистов.

В первые дни декабря, когда под уда-
рами белогвардейцев оказался Хабаровск
Амурский губком партии обявил моби-
лизацию сотни партии юца. Вместе с ней
в сотни хлынули и благовещенские ком-
сомольцы — «ура», активнейшие из па-
ртии. Среди них — два члена Амурского
губкома. Около сорока комсомольцев
вступило в эту первую амурскую пар-
тию-комсомольскую сотню.

Два-три дня лихорадочной спешки-
дача дел, получение оружия, молниенос-
ное повторение военных знаний — и

отца на Благовещенском вокзале. Помимо беседы с остающимися, заветы и... застукали колеса «телушки», вынуждали первую сотню.

13 декабря сотня была уже в Хабаровске. Ранним туманным, морозно-свежим утром следующего дня сотня выступила уже на станцию Казакевичи, где было сдержать врага. 16 декабря оттуда уже расположилась в Казакевичах и крестовых хуторах.

19 декабря винзапно на Казакевичи пришла эскадрон пынных, рассыревших казаков. Пулуметы оказались защищими. Шестьдесят пеших комсомольцев и партизан Иев защищались до последней капли крови. Но отбить врага не удалось. Под сабельными ударами пали все защитники Казакевичей.

11 человек, бывшие в разведке и на дальнем хуторском посту, спаслись от широкой, Таежной дорогой, по пояс в снегу, обогнавшие 40-м морозом, они пробились к Хабаровску.

Только через два месяца наши наступавшие части проходили Казакевичи. Изувеченными, искромсаными, замороженными и были найдены трупы амурских комсомольцев и коммунаров. В середине марта трупы были привезены в Благовещенск.

В один из теплых, уже весной напоенных дней стояли мы—группы амурских комсомольцев—у двух мрачных теплушек на ветке железной дороги в Благовещенске. У теплушек—гробы с трупами погибших, дорогих ребят. С болью мы опровергали в изуродованные трупы, глядя знакомых товарищей...

Революционный экзамен

А вот другой конец Советского Союза, Хорезм, ныне входящий в Туркменистан,

а недавно в пределах бывшего Хивинского ханства являвшийся самостоятельной республикой.

Красный командир И. Кутяков в своих воспоминаниях рассказывает о суровом революционном экзамене хорезмских комсомольцев:

«Хорезмская республика стала по-настоящему советской лишь с октября 1923 г. Тогда же стали осуществляться советские декреты, были отобраны байские (кулацко-дворянские) вакуфные (церковные) земли, началось подлинное советское строительство.

Кулахи и муллы объявили «хазават»—священную войну — с немусульманами. Ним присоединился Джуанджан-хан, сдерживший на средства английского капитала 1500 всадников, скрывавшихся в колодцах Балакси. Темные, невежественные племена Хорезма частью присоединились к ним. Коммунисты и комсомольцы истреблялись с их семьями без разбора пола и возраста.

Оставшаяся в живых собралась в последнем опорном пункте — в Хиве, чтобы удержаться до прихода подкрепления из Туркестана. Положение оборонявшихся было почти безвыходным. От отступления не могло быть и речи: для этого надо было прорваться сквозь кольцо многочисленного и озверелого врага. Кроме того, слахи Хивы означала бы окончательный захват всего Хорезма восставшими.

Но силы оборонявшихся были малы. Кроме коммунистов и комсомольцев, на лице имелось лишь один красноармейский батальон. Решили мобилизовать всех комсомольцев с 15-ти лет.

Наступили шесть дней непрерывных боев. Комсомольцы без смены и без сна, подчас голода, с красными знаменами и пением революционных песен ходили

в бои, в разведки и ежедневно в самые критические для нас моменты бросались в контратаки, отбрасывая наседавшего врага.

Комсомолки также стояли впереди, с винтовками в руках защищая крепостные стены. Более слабые работали под пулями, делали перевязки раненым, подносили патроны, воду и пищу защитникам. Осаждавшие были разъярены и не щадили попадавших в их руки комсомольцев.

...Хива была защищена.

Когда подошла помощь, бандиты были разбиты. Остатки их ушли в пески, где их ждал голод, холод и отсутствие пресной воды.

Враг был разбит, но не уничтожен.

Красная конница и летчики готовились к большому, 600-верстному походу в пески. Комсомольцам предложили сдать оружие и заняться учебой, но они решили участвовать в походе. Многие из них сели на коней и отправились в поход. Остальные занялись работой по созданию советов, по укреплению тыла. 25 комсомольцев были награждены орденами Красного Знамени. Больше ста комсомольцев погибло в боях.

Суровый революционный экзамен был выдержан».

* * *

Сейчас у нас нет фронтов. Учебой и мирным строительством заняты 2.000.000 комсомольцев, празднующих в этом году восемью годовщину своей славной организации.

Но боевая страда может притти.

Нужно крепко держаться в памяти прежнее геройство комсомольцев: может быть, в будущем придется равняться по их примеру.

ЛОВЛЯ ЖЕМЧУГА

В

ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Р. С. БАРРОУЗ—член американского географического общества. Перевел с англ. В. Г.

ОДНИМ из самых грубых видов эксплуатации человеческого труда является, без сомнения, ловля жемчуга. И удивительно то, что современная культура не внесла решительно никаких перемен в те варварские способы его добывания, которые существовали еще за 600 и более лет до Р.Х.

Планктонный пищет о достоинствах цейлонского жемчуга и описывает ловлю совершило так же, как это делает в XIV столетии известный путешественник Ибн-Батута. Близки к нему и впечатления группы путешественников в феврале 1925 года.

В этом году после 19-летнего перерыва возобновились ловли в знаменитом на весь мир Манадской заливе, принадлежащем Англии, как и весь остров Цейлон.

Весь Манадский залив был в этом месте усыпан миоценовым большим парусным зодок («хлонны»), «высоко поднятой носовой частью, наполненным народом». Тут же находились еще два траллера, игравшие роль букисиров.

Люди в лодках делились на группы попарно, одни из них, так называемые «мандуки», спускались с помощью веревок водолазом, затем — на подозади, нарашивая воду по бокам лодок, и, наконец, смека для тех и других, отдачающая на падубе.

Любопытную картину представляли из себя все эти разноцветные, чаще синие и желтые, лодки, с большими парусами, яркие одежды и торбы люди, распашенные на мастиах, и сами люди — совершенно голые, темно-коричневого цвета, всецело поглощенные трудом,

жертвующие своей жизнью ради прихоти богатых.

Водолазы в большинстве или тамиды, родом из Южной Индии, или арабы. При чем работа арабов считается более продуктивной, так как они упорные и терпеливые.

Самое погружение в воду происходит так: «мандуко держит в руках две веревки. К концу одной привязан лежащий на дне моря большой камень, который служит грузом, а к концу другой — деревянная пластина корзина. Водолаз опускается на дно, схватившись одной ногой камнем, дергая в руке веревку с корзиной».

На дне моря, которое в этом месте обычно неглубоко, он быстро собирает сколько может, раковин и кидает их в корзину, затем дергает веревку, и «мандуко» тащит его на поверхность. На нас водолазы-арабы надевают роды рабочих чепцов, или зажимов, чтобы вода не попадала в нос.

В среднем, водолаз остается под водой от 60 до 70 секунд. Но замечено, что иногда пребывание под водой продолжается и до двух минут. У водолазов от напряжения и упорной работы на носу и из ушей часто идет кровь, особенно к концу дня, после 40 или 50 минут в воде. Странно, что на водолазов редко нападает акула. Это можно объяснить тем, что на лодках и вокруг них стоят крики и шум, который пугает акулу. Арабы, конечно, привыкли это изречению на корана, которое они носят в амулетах на шее. Это довольно часто бывают случаи нападения на водолазов рыбьи пилы, которая воиняет свою острину в человека.

Водолазы работают попарно, и раковины, которые каждая пара вылавливает, собираются в мешки, расставленные на падубе лодок. Около полудня раздается гонг, прекращающий работу. В это время представитель власти обезжают лодки и кладет печати на мешках с раковинами. После этого лодка спускает своих парусов и собирается вокруг траллеров, к которым привязываются на букисы. В промежутке между лодками или обратно на своих парусах, и их путь был о ч е и я продолжительным. Теперь букисы значительно сокращают время пробега лодок до города Маринукади, или «жемчужного города».

За полмили от берега лодки отходят от букисса и начинают нечто вроде главным образом для того, чтобы подстingнуть берега и разгрузиться от жевинами.

Жемчужный город очень своеобразен: приход, когда нет жемчуга, в нем висит какими-нибудь двумя деревьями, когда же наступает время поймана жевина, то здесь доходит до 30—40 тыс. Со всех концов съезжаются ловцы, привлеченные богатой и наживкой. Но через два—три дня течения ловли и дежек жемчуга пушка язычная толпа быстро разъезжается, и остается одна опустевшая хижина и шесть ветвей и нескольких домов служащих.

Когда лодки с добывшей подходят к впадельце, берут мешки и на головы надевают на набережную, там их сбрасывают и отожженное частоколом место — купают в теплом Потомственный чиновники вытапывают раковины на 1.000 шт. в каждом из водолазов получает за свои труды пять Крак и шум в «котту» стоят невоинов. В один день разгружается не меньше 50 док.

Получив свою долю добчи, водолазы на падубе, устроенный там же, в 1925 году вольная цена раковин в одну рупию (рупия равна почти одному бллю). Покупатели раковин бросают их в корзины из пальмовых ветвей и спешат снять с них, поспешили лапать рукою поживу. Интересно в это время наблюдать этих людей, в одиночку и вдвоем, в одиноком руке ищущими жемчужинки и совершенно поглощенных ими. Опытные торговцы сначала проводят вокруг края раковин затянутыми в губы мясом моллюска и тщательно осматривают. Бывают случаи, когда в одно и то же время находят 11 и больше жемчужин. Часто жемчужину вытаскивают от раковины и тогда она оказывается узкой. Такую жемчужину можно есть только в оправу колца или браслета.

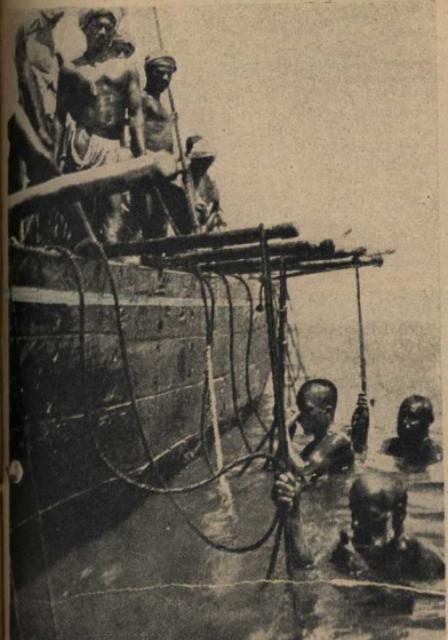
Покупатели большого количества извлекают раковины в особом пояснике из пальмовых ветвей, на которое поместят содермящего, пока член миллиона черепов терпят потирать эту гигантскую массу раковин. Отбросы этильные и много раз сортируются и затем вновь берутся и снова собираются так, чтобы самая крошка не могла пропасть. Можно себе представить какой запах несет от этих помех разносится по городу!

Водолазы с раковинами на носу

Лодки «Дхонны»: с них происходит ловля жемчуга

Готовые нырнуть

Из рук первых скунцов раковин жемчуг попадает в руки купцов, приезжавших со всех концов Индии и из других стран. С суровыми лицами, важные, с длинными бородами сидят они в своих лавках и умело руками сортируют жемчуг через ряд медных сит, а затем ссыпают его в сотни мельчайшие небольшие шкатулки. Тут же неподалеку, где-нибудь под деревом, сидят сверлильщики жемчуга, выполняющие трудоемкую работу просверливания жемчужин для нанизывания их на нитку.

Каждый вечер в 9 часов под руководством особого чиновника проходит аукцион жемчуга, принадлежащего английскому правительству. Он ведется на трех языках: тамильском, сингальском и арабском, при этом раковины продаются пачками по 1.000 и больше штук. Выставляя за сотню раковин было в 1906 году 100 рублей, а в 1925 году — 45. Важный доход от продажи гребешка этого сезона 1925 года выразился в 514 тыс., при чем выполовлено было свыше 16.000.000 раковин.

В заключение — несколько слов о происхождении жемчуга. Тайна образования жемчуга была издана предметом самых невероятных предположений. Древние происхождение жемчуга приписывали затвердеванию капель моли, слез изреди, действию молиин...

Жемчуг образуется от ввода в ткань малазийских, живущих в раковинах, какого-нибудь инонородного (постороннего) зла — песчинки, червя, паразита и пр. Моллюск понемногу вдевает отложения перламутра, составляющего внутреннюю оболочку раковины. Это отложение перламутра происходит вокруг появившегося в раковине постороннего тела. Если оно разрастется и обволоче раковины, то оно может образовать о себе жемчужину уродливой формы. Если же это тело пронимано моллюскусом, то он понемногу собирает вокруг себя излишне частицы перламутра и обволакивается ими равномерно, Южную из себя ядро будущей хорошей жемчужины. Одним изучавшим «естественником» сказал, что лучшая жемчужина, существующая, не что иное, как гробница червя.

В году бывает два периода, совпадающие с прохождением волн океана. Цейлон на северо-восточных и юго-западных побережьях, когда происходит выделение из моря новых островов, образующихся на отмелях, новые залежи раковин. Впрочем, эти раковины не способны поколония молодняка спустя пятьдесят лет по поверхности моря в виде линюков до тех пор, пока не образуется раковина. Тогда личинка пристает к плавникам других раковин или к скалам. Если раковина погружена на песок, то она не может доло существовать. Только из них живут, которые укрепляются на камни или другом предмете предмете.

Несколько образование жемчужин, люди с древних еще времен пользовались их искусственно разводить. Особенно прославились так китайцы. В раковину жемчужиницы, между створкой и щелкой, они вкладывают какие-нибудь мелкие предметы, например, шарик перламутра, металлические формочки, или

крошечные статуэтки; затем такую раковину помещают в воду, на глубину от 2 до 5 фут., и в течение нескольких лет наблюдают за образованием искусственной жемчужины, которая начинает понемногу покрываться слоями перламутра.

Выгрузка раковин из лодок

Сверлильщик жемчужин за работой

Перенос мешков с раковинами

ТОВ. ДЗЕРЖИНСКИЙ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЧК¹

М. ЛАЦИС

НА ВЕЧЕРНЕМ заседании коллегии ВЧК от 20 декабря 1917 г. тов. Дзержинский протоколирует: «Комиссия должна вести только предварительное следствие».

Жизнь, однако, уже на первых шагах комиссии диктует другое—она требует непосредственной расправы на месте преступления. Пользуясь периодом перестройки аппарата управления и, в связи с этим, естественным временными отсутствием государственного аппарата, прикрываясь флагом революционеров, творящих революционное правосудие, разные темные элементы начинают действовать своих личных интересов, производя грабежи. Некоторые из них начинают действовать под видом сотрудников ВЧК. Это последнее очень опасно—нельзя допустить скомпрометирования имени ВЧК. Ее имя должно быть чисто. К этому органу должны обращаться за помощью все, ищущие революционного правосудия. Так мыслил Феликс Эдмундович.

И вот, когда в руки ВЧК попал шантажист и бандит, известный по делу под именем князя Эболи, действовавший при вымогательстве под видом сотрудника ВЧК, Феликс Эдмундович отдает приказ—расстрелять. И Эболи был расстрелян 24 февраля 1918 года.

В начале 1918 года Феликс Эдмундович еще рассчитывал на благородные антисоветские партии. Политического противника достаточно изолировать от общества, уголовный элемент надо пресечь в корне—вот подход Феликса Эдмундовича на первых порах деятельности ВЧК.

Этой верой в благородные об血腥ияется и сотрудничество с левыми соц.-рев. Мы уже говорили, что ВЧК мыслилась в первое время исключительно как орган большевиков. Но мало-помалу Феликс Эдмундович стал лично приглашать отдельных левых эсеров для работы в ВЧК. Из эсеров на первых порах приглашен был рабочий Ильин. Но-както ВЧК стала беспощадно расправляться с противниками, ЦК левых эсеров потребовал себе места в ВЧК, и Феликс Эдмундович на это согласился. Из числа левых эсеров тогда были введены: Александрович, в качестве заместителя председателя, и Закс. Постепенно к июлю 1918 г. из 20 членов коллегии ВЧК 7 были левые соц.-рев. Кроме того, начальником отряда ВЧК был левый соц.-революционер Попов.

Тов. Дзержинский не только примирялся с этим положением, но даже, как видно по всему, считал такое положение нормальным: раз левые соц.-рев. разделяют государственную власть, то пусть несет ответственность за подавление бандитизма, саботажа и контр-революции. Все это было так, пока левые эсеры не ушли от власти, т.е. до Брестского конфликта. Но как только они от власти ушли, следовало их «уйти» и из ВЧК.

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ

организаторов необходимо было расстрелять. Левые соц.-революционеры возражали.

Разногласия были перенесены на решение Якова Михайловича Свердлова. Петер и Лацис ставили вопрос ребром: или мы или эсеры. Яков Михайлович посоветовал подождать до съезда Советов: «Если они останутся в правительстве—придется оставить и в ВЧК, если уйдут—противим их из ВЧК».

6 июля эсеры подняли восстание и воспользовались отрядом ВЧК, где находился их повстанческий штаб. Тов. Дзержинский был арестован эсерами и вместе с ним Лацис, Беленький и несколько комиссаров ВЧК. Это единственный серебряный промах, допущенный тов. Дзержинским за время работы в ВЧК.

В этой своей ошибке он немедленно сознавалась и, после обожжения на заседании Совнаркома требовал своего отстранения от работы в ВЧК до разбора дела следственной комиссии т. Стучки. Так как Феликс Эдмундович решительно

настаивал на этом, Совнарком принял предложение, и временным председателем был назначен Петер.

Эта именно черта характера—деленное открытое сознание ошибки и медленные меры к ее исправлению—дала Феликсу Эдмундовичу неоцененную работников. Через неделю он снова председателем ВЧК, и теперь этот органической диктатуры был целий эсеров. Отложенные выполнением вето над руководителями «Союза родины и свободы» привели к исполнению.

Мы нередко слышали и следующую фразу: цель оправдывает средства. Не только вражеский, но и большинство наших советских работников уверены, что ВЧК проводствовалось в своей работе на этом девизом.

Я должен здесь завидствовать, что это грубейшая ошибка Тов. Дзержинский еще в 1918 г. на заседании коллегии ВЧК 18 марта провел постановление, прещающее пользование провокацией в работе. Больше этого—в заседании коллегии от 17 февраля 1918 г. принимается постановление о пользовании секретными сотрудниками только вне стен миссии и только по отношению к спекулятивным делам, к политическим врагам эти меры принимаются. Борьба ведется чисто идейным действием советских ментов.

Разве это сколько-нибудь лучше на «цель оправдывает средства»?

В том, что борьба ведется таким образом содействием «советских элементов», мы убеждаемся, взглянув на состав сотрудников ВЧК. В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарate насчитывалось из 40 сотрудников, включая сюда и шефов, и курьеров. Даже к моменту восстания левые эсеров в ВЧК числилось 120 человек. Число сотрудников доходило только до 120 в век. Если все же ВЧК осуществляла действительно большую работу, то, главным образом, благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты указанием населения. Принять брались от них, этих добровольцев и бесплатных сотрудников из населения, и потом уже разматывалась аппарат ВЧК.

Необходимо отметить, что руководства ВЧК значительно спровоцировало покушение на тов. Ленина в августе 1918 г. и бешеный рост террора в пограничной полосе. На бешеный террор надо было ответить красным террором. Этую работу и осуществляла ВЧК под руководством тов. Дзержинским.

Естественно, что такой, широко разветвленный аппарат, требующий уже тысячи рабочников, не мог споделить повсюду исключительную добросовестность. Нередко примазывались к аппарату ВЧК негодные элементы, иногда даже контр-революционеры. Произо-

¹ Отрывок из статьи, помещаемой полностью в журнале Исппарта «Пролетарская Революция»

масло это одними исключительно в карманных интересах, другие — с целью компрометировать ВЧК, выведать тайны. Особенное много неприятностей было с низовым аппаратом. Все это порождало недовольство штатом ВЧК, и некоторые товарищи открыто выступали за сокращение аппарата ВЧК и ограничение ее прав.

Тов. Дзержинский берется за искоренение этого зла и каленым железом выжигает обнаруженнюю изву. К своим сотрудникам — самые строгие требования и за преступления — самая строгая кара. Расстрел — вот мера наказания для своих сотрудников, воспользовавшихся своим служебным положением для личного обогащения или просто удовольствия. Нередки случаи, когда за одинаковой тяжести преступления тов. Дзержинский гораздо строже карал своих сотрудников, чем «уголовников» или политических противников. Только такой железной рукой тов. Дзержинскому удалось сохранить добрею имя ВЧК и добиться серьезных успехов в борьбе с контрреволюцией.

Но тов. Дзержинский — не просто организатор, не просто председатель ВЧК. Его натура не довольствуется только руководством. Он жаждет сам действовать. И мы нередко видим, как он сам допрашивает обвиняемых и роется в изобилующих материалах. Его настолько захватывает дело, что он просиживает ночи в помещении ВЧК. Ему некогда сходить домой. Он спит перерывами тут же в кабинете за ширмой, где прыссоблена для него кровать. Он и слотается тут же, и курьер приносит ему в кабинет еду — обыкновенную, какой питаются все сотрудники ВЧК. Правда, курьер старался приготовить для него что-нибудь получше: на место конину, которой все питались в 1919 и 1920 гг. — поджаренный картофель с салом. Но Дзержинский не любил, чтобы для него создавали какие-то исключительные условия, и ругал часто курьера-старика и тов. Беленького, взывшего на себя заботу о личности Дзержинского. Поэтому, нередко приходилось его обманывать указаниями, что и для других сотрудников тот же метод. Такая усиленная работа расщепляла его изнуренный каторгой организм и лучший уход за ним был необходим. Тов. Беленький в меру своих сил и срестиц ВЧК и старалася представить Феликса Эдмундовичу минимум удобств.

Самым напряженным временем в работе ВЧК была полоса после покушения на Владимира Ильича, когда обнаглевшая свора лжесоциалистических партий решилась на индивидуальный и массовый террор и когда правительство учредительного собрания (в Самаре), опираясь на чехо-словаков, начало серьезное наступление по Волге.

Это положение страны приводит к необходимости представить ВЧК самый широкий круг прав, и Совнарком в сентябре принимает постановление, в котором говорится:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией спекуляцией и преступлением по должностям о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью. ... Что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрelu все лица, прикованные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

Следующим напряженным периодом в работе ВЧК была осень 1919 г., когда был взорван Московский Комитет и раскрыт заговор «Национального Центра». На фронтах военное кольцо сжалось все ближе к столице и Петрограду. Попчая нашу слабость, подняли голову заговорщики и успели уже организовать в Москве и окрестностях две дивизии вооруженных сил. Как только Деникин подойдет ближе к Москве, они должны будут поднять восстание и облегчить овладение Москвой. Таков их план. Но этот замысел был пресечен раскрытием «Национального Центра». В то же время завершила и драпанула серьезная операция — ликвидация апартидов подполья, работающих в тесном контакте с крайним течением левых эсеров, во главе с Донатом Андреевичем Черепановым.

Мы напрасно пытались бы перечислить все области народной жизни, которыми интересовалася Феликс Эдмундович и в которых работал орган борьбы — ВЧК.

Все это привело к тому, что Владимир Ильич стал давать тов. Дзержинскому поручения, уж никак, неприсвоенные ЧК не только положениями о ВЧК, но и традициями. Так, нередко ВЧК берегала и поддерживала серьезных изобретателей, работу которых Владимир Ильич считал нужным держать в секрете.

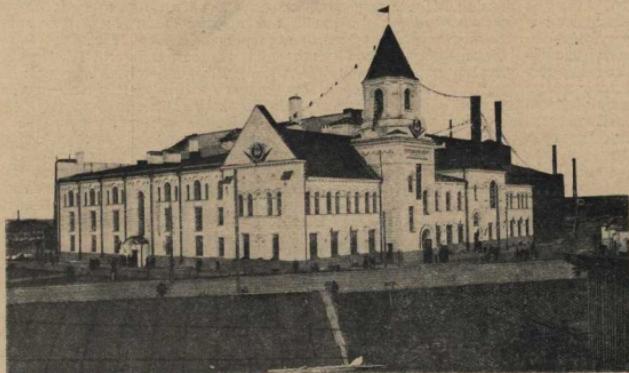
ВЧК чувствует поясоду, ее рука тяжело опускается на плечи всякого врага Советской власти. Безжалостно, но не зверски. Про ВЧК возникла специальная литература за границей. Одним это было нужно, чтобы подработать на пропаганду, другим, чтобы выместить свою злобу, третьим, чтобы обрабатывать общественное мнение в политических целях. В этих писаниях на ВЧК, на ее работников высываются ушата самой подлой клеветы. Доходило до инсценировки зверств ЧК, и эти инсценировки засматривались для кинолента.

И все же и в этой литературе имя тов. Дзержинского вынуждены выгораживать. Дзержинский в их описаниях — фанатик своего дела, неумолимо тверд в проведении борьбы с контрреволюцией, но не истязатель, не взяточник, не разрывник, каковыми элитатами наделяется большинство сотрудников ВЧК. Дзержинский и в их глазах — рыцарь революции, который не жалеет своего меча, своего здоровья в интересах своей «дамы сердца» — пролетарской революции.

ПРОСЕКА В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

МОСКОВСКИЙ ТЕПЛОТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
П. ЛОПАТИН

Здание Технологического Института

НЕ СЛИШКОМ ЛИ МЫ РОСКОШЕСТВУЕМ?

НА ОКРАИНЕ Москвы, в Ленинской Слободе, недалеко от того места, где по ажурным мачтам, на грозных ажурных изолятогорах висят в город линия электропередачи «Шатура—Москва», стоят старый, несурзанный дом с башней, а на нем—золотые буквы:

Теплотехнический Институт имени профессоров Гриневецкого и Кирша.

Когда, проезжая мимо старых деревянных домиков, с развороченными тротуарами и с выбинами на мостовой, видишь эти две строчки золотых букв, невольно возникает вопрос:

— Не слишком ли роскошествуем? Потому ли нам, еще-еще вылезающим из инциста, иметь еще лишний научный институт? Да ли

и поможет ли строить новое коммунистическое общество? Да и вообще—нужен ли он нам?

Навязчивый вопрос, особенно там, среди покосившихся заборов и серой пыли окраинной Москвы.

А, между тем, 16 месяцев тому назад, 31 мая 1925 года, у этого непрочного дома стояла вершина блестящих автомобилей с пестрыми флагами иностранных посольств: почти весь дипломатический корпус был на торжественном открытии Института.

Скромное здание, о существовании которого мы, к своему великому стыду, почти ничего не знаем, заинтересовало заграницу. «Дерзкий проселок»—«завтрашний день» назвал новый Институт один из ораторов. И заграница знала, что он был прав.

С тех пор за работами Института внимательно следят заграничные учёные.

материальные богатства, чтобы техника зеродить нашу страну, сделать ее богаче, сильнее, чтобы содействовать машинизации и промышленизации нашего народного хозяйства.

Вот каков был наказ Институту.

Не так давно наши деды и отцы рассуждали о том, какими же изысками хватит на нашу страну. Их с изыском хватит на нашу страну. Так, зачем же нам забывать об экономии. Зачем тратить время, энергию и силу на прокормливание и более производительные.

Мы, даже желая, не могли бы так рассуждать. Запасы топлива, казавшиеся еще недавно несъемными, быстро подходят к концу. Топливный голод надвинулся на мирную промышленность и теперь не для кого не секрет, что мало каменного угля хватит на 250—350 лет, а ископаемые вывернем в течение предстоящих неизвестных лет ¹.

И неудивительно. Ведь, общая мощность всех двигателей земного шара в 1924 году составляла в 660 миллионов лошадиных сил, т.е. в 15 раз больше, чем можно было бы получить обратив в рабство все работоспособное население земли.

Из этих двигателей львиная доля (почти 95%) является тепловыми, которые потребляют ежегодно 1635 миллионов тонн (тона—6 тонн) топлива. И эта колоссальная цифра с каждым годом неизменно, громадными скачками, растет. Так, например, за последние 70 лет мировая добывающая машина каменного угля выросла в 16 раз.

Неудивительно, что при такой трате выделять никакие запасы.

НАУЧНЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ БОРЬБЫ ЗА ЭКОНОМИЮ «ХЛЕБА МЫШЛЕННОСТИ»

Какой же выход отсюда? Есть два пути:

Путь первый—заняться топливом из воздуха, будь то ядерная или солнечная энергия. Но это пока что дело дистанционное.

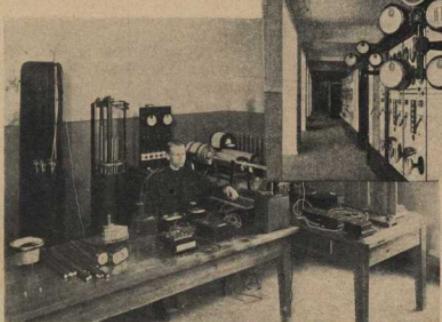
Путь второй—всемерно экономить оставшиеся запасы топлива. Но экономить не скроешь: числа тепловых двигателей, потому что что грозило бы смертью мировой промышленности, а борьбой, жестокой, неумолимой борьбой с обжорством двигателей.

А «обжорство» это настолько велико, что мы вынуждены быть недовольными тепловыми машинами.

Считая на круг—все тепловые двигатели только $\frac{1}{10}$ «съедаемого» ими топлива употребляют на нужную, полезную работу. Девять десятых расходуется зря.

Из 12 миллиардов пудов угля, сжигаемых ежегодно паровозами всего мира, 11 миллиардов пудов без труда летят в трубу.

¹ По вычислениям проф. Рамзана, директора Технологического Института и одного из лучших знатоков этого вопроса, мировые запасы каменного угля хватят, при том расходе топлива, который наблюдался сейчас, 350 лет, а нефти—на 22 года.

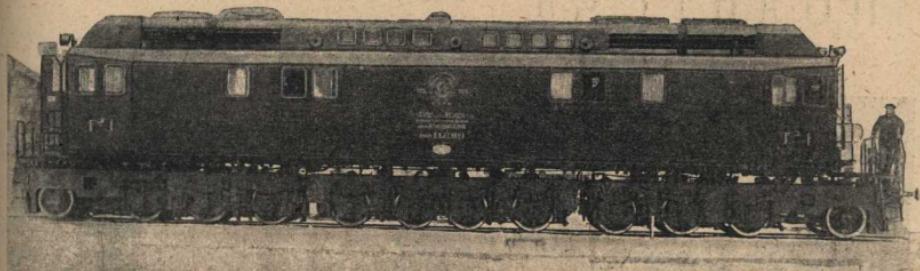

ВВЕРХУ: Распределительная доска тока высокого напряжения
в Институте

НИЖЕ: Лаборатория

ВНИЗУ: Группа работников Института с Л. Д. Троцким

Общий вид тепловоза системы Я. М. Гаккеля

А, ведь, это—десятитлетняя продукция Донбасса! Борьба с бесконечной расточительностью топливных двигателей—это основная задача ми-ровой техники.

Наш Союз это трудное дело поручил Техноло-гическому Институту. Именно это серое в Ленинграде и является тем научным штабом, который руководит экономией самого дорогоего мате-матогатства нашего Союза—топлива, или «хлеба промышленности».

Вот, что можно так выразиться, «вну-трикоечное» значение этого Института. Но он имеет и «внешнее» значение: не даром дипло-маты побывали на его открытии.

Но так давно на одном из торжественных посвященных собраний французский маршал Фош сказал:

— В телеграфных воях побеждает не тот, у кого дальнобойные пушки и ядовитые удру-гасы, а тот, у кого больше ложадин сильнее запасов топлива.

А вот и факт.

— И как сумеет эти ложадинные силы добы-разумнее и дешевле. Другими словами, в конечном счете побегит в нашей мировой борьбе тот, кто лучше всего спрянется с теми заданиями, над которыми рабо-тает наш Техноло-гический Институт.

ОПЛАТИЛ ЛИ ИНСТИТУТ СВОЙ ДОЛГ ГОСУДАРСТВУ?

Но, скажите же, сдал Институт за $\frac{1}{2}$ года своего существования? Оплатил ли он хотя бы частично свой долг государству, которое вложило на него 4 миллиона рублей? И че-щадил он лестного мнения о себе, как о вели-ком в мире опыте Институте, потому что по размаху и по своей величине действительно является наи-большим среди других, подо-брав ему, научных институтов в Европе?

Давайте подсчитаем. Но при подсчете уго-римо, что мы для начала будем принимать в расчет только его самые большие работы, а из них—льше те, которые уже закончены, потому что у нас уже имеется налицо, прибыль которых уже записана.

Первая расплата Института—экономиче-ские топки Каширской электростанции.

Такой первый расплатой Института по своему долгу государству были блестящие концепции по построению Государственной Районной Каширской электрической станции.

Эта станция «выпала» подмосковным углем. И даже не самим, а его палью, его мелочью—отбросами, которые подаются при его работе. Техноло-гический Институт получил разрешение создать топку, благодаря которой использование этих отбросов стало бы не только возможным, но и выгодным.

Цирк все трудности по решению этой задачи. Сотрудники Института построили топку и котлы для этой станции и добились того, что их производительность увеличилась в 2 раза. Эта работа Института Каширской станции уже дала будущий Союзу ежегодную экономию в 700—800 тысяч ру-

Вторая расплата—экономическая паровозная топка.

Второй крупной работой Института является постройка паровозной топки в Баку.

Третья—крапотинская, наземная проектная работа 200 опытных поездок на паровозе, снабженном этой топкой, и бесконечные поправки, дополнения и изменения, выяснившиеся при практической работе. Но зато результат оказался блестящий: новая топка дает экономию в топливе на 20%.

Перепедели эти проценты на звонкую монету, и вы получите, что вторая работа, даже при использовании новой топки на $\frac{1}{2}$ наших паровозов, даст ежегодную экономию в 1 $\frac{1}{2}$ миллиона руб.

Третья расплата—тепловоз

Я. М. Гаккеля.

Третья крупной работой Института является постройка первого советского тепловоза системы Я. М. Гаккеля. Он дает экономию в топливе в 4 раза по сравнению с обычным парово-зом. Он открыл новые возможности для нашего транспорта. Он совершил революцию на железной дороге, показав, что тепловоз безумно расточительный, с которым можно погасить паровоз и горячее, и что быстрее исчезающее топливо.

Реальная выгода от этой работы пока подсчитана быть не может—она очень велика и вся ещепереди, но, во всяком случае, ясно одно: своими тремя крупнейшими работами Институт уже сторицей расплатился с государством. Он оправдал возложенные на него надежды.

ВЕЛИКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ДЛЯ НАШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Указанные три работы—только основные достижения лишь двух лабораторий Института—технической и машинной. Но, ведь, кроме них, эти же лаборатории выполнили еще целый ряд проектных работ по поручению различных организаций и учреждений, предложивших к значительной экономии топлива.

Например, лаборатория «теплопе-ния и вентиляции» закачивает разработку большого и интересного дела: районной городской отопительной станции, которая должна будет отапливать дома крупного городского района. Эта работа обещает принести громадную экономию топлива для больших городов.

Сушальная лаборатория разрабатывает вопросы промышленной сушки различных материалов—топлина, плодов, овощей, зерна, и пр.—и уже принесла не только крупный научный результат, но и немалую материальную выигрыш.

Технический отдел Института исполнил проектные работы по постройке двух электрических станций Донбасса, по оборудованию электрических станций Азнефти в Баку, а также многочисленные проекты более мелких построек, уже выполненных и выпущенных.

Наконец, четыре последние лаборатории—химическая, нефтяная, газогене-раторная и лаборатория технической физики—наряду с чисто научной работой выполняют большое количество заданий по поручению нашей промышленности и учре-дений.

Вот короткий и далеко не полный перечень успехов Техноло-гического Института. За них скрыта экономия сотен миллионов народных денег. Но даже не в этих, скромных миллионах главное значение Института.

Благодаря его работе, за которой внимательно следят заграница, наша промышлен-ность стала из вчерашнего пути стро-го научного управления хозяйством, строгого учета наших богатств, начиная с основы их—топлива.

Это то, что так нехватало прежней России, и наш Институт—последний «просека в завтра-ние».

И если из прошлого, из вчерашнего дня, благодаря великим даростям организаторов, мы вырастим этот Институт, то же мы и его поможем создать завтра и после завтра!

В ближайшие дни выходит № 17—18 журнала

«КОМСОМОЛЬСКАЯ УЧЕБА»,

в котором помещена в окончательной редакции утвержденная сскр.ариатом ЦК ВЛКСМ и АПО ЦК ВКП(б)

ПРОГРАММА ПОЛИТШКОЛ I-ой СТУПЕНИ

В следующем октябрьском номере (№ 19) будет помещена «Программа деревенских кружков полититис» и «Метод разработки» для первых двух бесед и политшкол первой ступени.

Принимаются заказы на все вышедшие номера «Комсомольской учебы». Подпись принесется в Москве: в г. Конторе—Новая площадь, 6, почтальонами и п. ч. почты отделениями; в провинции—в отделениях центральных газет и во всех почтовых отделениях СССР.

ПОЛИТСУД

С. ЦЕЙТИН. Рисунок ВАРТ

подЗапыльник

... «Один он сынок у меня... если правду сказать вам, так он и крестик носит и бову молится...»

ДЛЯ ОЖИВЛЕНИЯ и ознакомления беспартийной молодежи с комсомолом, политпросветколлегия на своем заседании решила устроить политсуд над комсомолом. План поручили составить Андрошике, который сделал его тут же в этой комнате и через полчаса скорострельное творчество было утверждено. Были утверждены и действующие лица.

Роль обвиняемого, почетная роль комсомола, выпала Андрошке. Он уж заранее представлял себе, как он будет говорить свое последнее слово.

ГОРОДОК маленький, и всякое происшествие, где бы оно ни случилось и какой оно было — немедленно облетало всех. На этот раз было о чем говорить. Комсомольцев судят!

На панели бокового храма престарелый отец Пократкий говорил, что это не суд, а наступит суд божий, вот то будет суд.

Лавочники Степан и Антонич доказывали, что, наконец-то, власти оглушили и ранили как следует наказать а комсомольцев за их поведение, главное за то, что они за кооперацию.

Старушки, по привычке, жалели, либо в уездных городах еще много старушек, которым ничего больше в жизни ни оставалось, как жалеть, что жалеть — не важно.

Толкался город на предстоящем суде.

Андрошка отчаянно приговаривался. Помимо последнего слова подсудимого, ему нужно было приготовить и приговор, и показания некоторых свидетелей.

Работы много, а тут матка, старая матка пристает.

— Андрюша, — шмыкали старые губы, — слышала я, что суд над вами будет. Андрошиенка, что же это?..

Некогда обясняться, да и поспутить можно на старушкой.

— Да, мамаша, засыпят...

Андрошка продолжал писать, а старушка уходила кудах-нибудь в уголок, а когда Андрея не было дома, подливала масла в лампадки, и стареческие просьбы срывались с грязничных уст.

* * *

В ЗАЛЕ уездного суда собрался весь народ. За полчаса до начала неғде было и блоку упасть. Наступила торжественная минута.

Сашка Степанов, выполнивший роль коменданта, встал во весь рост и заявил...

— Прошу встать — суд идет! Суд пришел. Судьи, важные и строгие, встречая глаза знакомых, устремленные на них, пытались быть еще серьезнее, но не могли — улыбка все время рвала рот.

Приступили к слушанию.

Обвинительный акт гласил. «Тысяча девятьсот... политический суд в составе председателя Фрола Семёновича Гладкова и заседателей таких-то и таких-то, в присутствии сторон: обвинения — Максимова Антипа Михайловича, защиты — Григория Никольского — слушал дело по обвинению комсомола, в лице Андрея Пивоварова. Сущность обвинения та-

кова:

1. Что комсомол не принимает всеси молодежь, а только рабочую.

2. Что комсомол портит семью своим влиянием на молодежь.

3. Что комсомол воспитывает безбожников, член отрывает людей от чистой веры.

4. Что комсомол принимает участие во всех мероприятиях коммунистической партии.

Андрошка, как бы придевленный всеми этими ужасными обвинениями, опустил глаза вниз.

В публике поднялся шепот. Некоторые начали понимать, что политсуд имеет некоторую разницу с настоящим судом, а публика постарше большей частью радовалась, что так резко стались обвинения.

Приступили к опросу свидетелей. Шурка Эбильева в своих показаниях как дважды два доказала, что комсомол воспитывает безбожников, так как раньше она всегда ходила в церковь, а с тех пор, как вступила в комсомол, перестала посещать храм божий.

Но самое отчаянное было показание свидетеля Моты Позднякова — огорчил комсомолу семьи.

Публика уж сочувственно глядела на Андрошку, ибо у многих была старушечья жалость.

Приступили к прениям сторон.

Максимов умел говорить, а тут еще, когда речь ему была присуждена, так сказал, что прямо странно. Обвиняемый поднял голову, ту самую, на которую ссыпались грязные улики всех четырех пунктов преступникам?

Зашитник призвал к милосердию, — но разве может быть милосердие к подобным преступникам?

И минута наступила. Андрошка начал свое выступление.

Граждане суды и вся пресса

и спрашивают — считают ли я виновным? Да, граждане, сего

но посмотрите глубже и шире этого вопроса и вы увидите, я прав. Потому что речь идет о выражении тов. Маркса, я не понимаю, или — ничего в ней нет?

Долго говорил он, хорошо зная, что кончит ему речь не привлечь к ответственности.

В ту минуту, когда Андрошка всплескал:

— Граждане, можете осудить меня, можете приговорить к смерти, но я не отказываюсь от тех слов, которых мне...

Вот в эту самую минуту услышали плач. К спальне простились старушка, и ее, выбравшись на свободу, она упала на колени и закрыла лицо руками.

Один он сынок у меня есть, хороший был я, если правду скажу вам, так он и крестик носит и бову молится. Тогда конечно, в нашем городе не было церкви. А вот как гово- с'єздим, так он всегда с нами засудите, приезжайте, посматривайте, увидите — в церкви будет в Лицепре. И вообще, я в комсомоле, он сам то-

жет жить меня и вообще, я суды поклятые меня, не могу подумать о жизни.

Старуху кое-как успокоили, сказав ей, что такое политика дрюшки...

Впрочем это дело разошлось в бирю. А тема-то у меня лягит суд.